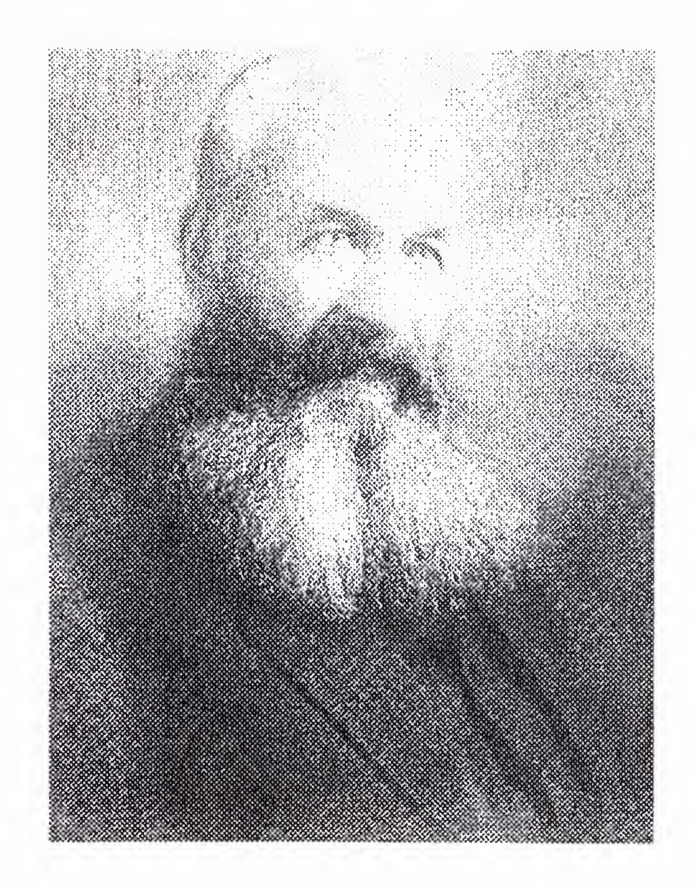
И.Ф. Плотников

ТЮРЕМНЫЕ И УГРОЖАЮЩИЕ ЖИЗНИ ДНИ И МЕСЯЦЫ КНЯЗЯ Г.Е. ЛЬВОВА НА УРАЛЕ 1917-1918 гг.

ЛЬВОВСКИЕ ДНИ В АЛЕКСИНЕ
140 лет
со дня рождения
князя Г. Е. Львова
31.X.-02.XI.2001 года
РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

К 140-летию со дня рождения

Князь Г.Е. Львов. 1918 г.

И.Ф. Плотников

ТЮРЕМНЫЕ И УГРОЖАЮЩИЕ ЖИЗНИ ДНИ И МЕСЯЦЫ КНЯЗЯ Г.Е. ЛЬВОВА НА УРАЛЕ

1917-1918 гг.

Издание осуществлено благодаря финансовой
поддержке Парижского Земгора
(председатель Юрий Александрович Трубников)
и ЗАО «Межгосметиз» г. Орел
(генеральный директор Виктор Алексеевич
Пикулин)

2001 год

При составлении вводной статьи и привлечении документов использованы данные фондов Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦД ООСО), в копиях некоторых центральных архивов, периодической печати режимов «белых» и советских, а так же мемуарной литературы, археографических изданий и многих других источников (особенно при составлении примечаний). Основу документального же раздела публикации составило дело 94-е, описи 1-й, 41-го фонда ЦД ООСО, прежде находившегося в специальном хранении. В копиях документы содержатся в делах 167 и 168 того же фонда.

Документы представлены в подлинном виде, без орфографической и стилистической правки (исключая лишь два-три случая, когда составителем в прямых скобках вписаны явно пропущенные слова, в других даны пояснения в примечаниях).

Автор-составитель во вводной статье при освещении тех или иных эпизодов трагических дней и месяцев Г.Е. Львова на Урале указывает в скобках на соответствующие документы, содержащие соответствующие данные.

В самом конце в качестве приложения дается список литературы, в котором содержатся работы специально или от части посвященные жизни и деятельности Львова или освещающие исторические события, в ходе которых он принял важную роль.

С Уралом и непосредственно – Екатеринбургом связаны многие события бурных 1917 и 1918 годов общероссийского масштаба, помимо того, что все они в этом сильно большевизированном крае имели огромное значение для судеб страны. Здесь сразу же после захвата большевиками власти возник очаг вооруженного сопротивления ей в Оренбуржье, открытой гражданской войны в результате вступления в борьбу казачества во главе с атаманом, полковником, в дальнейшем – генерал-лейтенантом А.И. Дутовым. Здесь, в Челябинске, в мае 1918 г. были спровоцированы на выступление части чехословацкого корпуса поспособствовавшие его восстанию на всем протяжении Транссибирской железнодорожной магистрали в конце того же месяца и возникновению Восточного фронта у «красных», нескольких (Западного, Юго-Западного и Южного), а затем также Единого Восточного у «белых». С Уралом, Екатеринбургом, связаны образование Директории – Временного Всероссийского правительства, восприемником которой стало правительство Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. В Самаре, Уфе начинал и в Екатеринбурге закончил свою работу Съезд членов Всероссийского Учредительного собрания, пытавшихся подготовить возобновление его самого, разогнанного еще 6 января большевиками.

В Петрограде было начало конца, а в Екатеринбурге – настал конец Учредительного собрания. С этим городом оказались связанными личностные трагедии, прежде всего гибель последнего Российского императора Николая II и его семьи. В Екатеринбурге весной 1918 г. оказался и чуть было не погиб князь Г.Е. Львов, в руки которого после отречения 2 марта 1917 г. Николая II и перешла власть в стране, как главы

Временного правительства. Появился Львов в Екатеринбурге в марте 1918 г. в роли заключенного Уральской областной ЧК, судьба его оказалась было полностью в ее власти.

Виднейший либерал, земский, общественный и политический деятель Георгий Евгеньевич Львов родился 21 октября (2 ноября) 1861 г. в Дрездене (Германия), князь, потомок Рюриковичей (а по женской линии – и золотоордынского верховного хана), крупный помещик. Родовое имение (по материнской линии) – Поповка в Алексинском уезде Тульской губернии (позже – Алексинский район Тульской области). В 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета. Временно состоял в Партии Народной свободы (конституционно-демократической). В 1903-1905 гг. был председателем Тульской губернской земской управы, гласным которой состоял с 17 лет. Во время русско-японской войны – Главноуполномоченным общеземских организаций по оказанию помощи больным и раненым воинам, затем – по борьбе с голодом. В 1905 г. Львов был избран в первую Государственную Думу. Один из активных участников переселенческого движения в Сибирь. С началом первой мировой войны – Главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым войнам **[док. № 12, 16, 18]**. Соучастник подготовки масонским руководством «дворцового переворота», которое намечало его в премьер-министры, «раскачивания» царского режима.[1] В дни Февральской революции, со 2 марта по 8 июля 1917 г., - председатель Временного правительства (а перед тем, 2-го же марта указом отрекшегося царя был назначен председателем Совета министров), одновременно – министр внутренних дел **[док. № 12, 18]**.

После подачи 7 июля в отставку и на следующий день выхода в нее удалился в Оптину пустынь, побывал на юге, в Ялте, обосновался в Москве. Октябрьский большевистский

переворот не принял и, переменив имя, внешность (переоделся в солдатскую шинель), с семьей выехал в Сибирь в конце ноября 1917 г. Остановился в Тюмени и некоторое время там проживал. Намеревался, как многие другие, переждать власть большевиков, не веря в ее прочность, или выехать за пределы страны через Дальний Восток. По его последующему утверждению советским властям, имел в Зауралье и Сибири кооперативно-финансовые интересы и намеревался заниматься ими. К февралю (марту по н.ст.) 1918 г. с ним в Тюмени находились земские деятели князь А.В. Голицын и Н.С. Лопухин, приехавшие позднее **[док. № 2, 7, 12]**. Поддерживал связь и пользовался помощью молодого офицера поручика Н.В. Заболотского (младший брат одного из земских деятелей – П.В. Заболотского), собственно по вине которого, совершенно неопытного в конспиративных делах, и оказался в скоре арестованным. Заболотский в конце февраля выяснял обстановку на железнодорожном вокзале, появлялся там не однажды и вызывал подозрения красногвардейцев, был арестован и практически сразу же сообщил о проживании в Тюмени князя Львова чекистам, назвал и адрес. В тот же день, 28 февраля (12 марта), были арестованы Львов, Голицын и Лопухин. Через неделю, 19 марта, все четверо были доставлены карательным отрядом М.А. Зайпкуса, выезжавшим в Тюмень для реквизиций ценностей у зажиточного населения, были привезены в Екатеринбург **[док.№№ 1-5, 8, 9]**. Они поступили в распоряжение облЧК. Их поместили сначала в первую, затем недели через три, во вторую Екатеринбургскую тюрьму, в которой сидели «политические» **[док. №№ 8, 9 , 21, 28]**. Там им суждено было пробыть около двух с половиной месяцев. Как и следовало ожидать, центральной фигурой, интересующей чекистов, местные и центральные власти, которым стало известно о происшедшем, был Львов.[2]

Г.Е. Львов, как и его товарищи по несчастью,

находился в сравнительно терпимых условиях. Один из чекистов, ставший вскоре охранником и участником расстрела царской семьи, - Г.А. Кабанов отмечал: «Львова, Голицына и Татищева *(мемуарист забыл назвать Лопухина, вместо которого указывает генерала И.Л. Татищева, привезенного в Екатеринбург вместе с детьми супругов Романовых из Тобольска позднее, 23 мая, и помещенного в ту же тюрьму. – И.П.)* поместили в большую комнату, каждому предоставили хорошие кровати с мягкими матрасами, с новым постельным бельем, новые шерстяные одеяла» **[док. № 21]**. Информация Кабанова в целом верна и ценна потому, что он бывал в тюрьме, и потому, что главными тюремщиками были его родные братья – оба Михаилы, старший был ее начальником, а младший – комиссаром.[3]

Заключенным аристократам предоставлены были и режимные послабления. С наступлением весны им разрешили вскопать какой-то участок во дворе тюрьмы и выращивать зелень. Оставили, по крайней мере Львову, какую-то сумму денег на приобретение продуктов питания и приготовления пищи. В одной из тогдашних газет белых, а именно – «Сибирской речи» появилась публикация сидевшего в той же второй тюрьме работника железной дороги, не обозначившего своего имени. Этот наблюдательный человек указывал на доставку в Екатеринбург, сначала в первую, а затем во вторую тюрьму Львова с товарищами, о предварительном ограблении их в Тюмени, но не до полного очищения кошельков. «На деньги Львова возделывали огород. Львов готовил горячую пищу для всей группы. Помогали Лопухин, Долгоруков» **[док. № 28]**.[4] Князь В.А. Долгоруков был привезен в Екатеринбург из Тобольска 30 апреля вместе с четой Романовых, но помещен не в Ипатьевский дом (Дом особого назначения), а в ту же 2-ю тюрьму, в дальнейшем – убит. Большую часть времени содержался в одиночке. Львову довелось общаться с

епископом Тобольским и Сибирским Гермогеном (Г.Е. Долгановым), 15 апреля 1918 г. арестованным и доставленным в Екатеринбург, в последствии также убитым. Перевод Г.Е. Львова, А.В. Голицына и Н.С. Лопухина из первой тюрьмы, где условия содержания заключенных были ужасающими, во вторую, официально числящуюся «Домом предварительного заключения», отведенную в итоге под политических, более благополучную, некоторые послабления были сделаны отнюдь не по милости местной уральской власти. Тот же бывший заключенный, сделавший публикацию, отмечал, что допросы князей велись с большим пристрастием и в издевательском русле и форме: «на допросах главным образом издевались и насмехались над арестованными областной военный комиссар Голощекин и областной комиссар юстиции М.Х. Поляков» **[док. № 28]**.[5]

Львову, как и другим, вменялись в вину контрреволюционная деятельность, подготовка заговора, в том числе в целях освобождения из заключения и царской семьи. Ирония судьбы: как глава Временного правительства он поставил подпись под его постановлением от 7 марта об аресте отрекшегося от престола императора Николая II и его супруги Александры Федоровны[6]. Этим, собственно, и было положено начало гибели бывшего монарха, всей царской семьи. Она уже не выходила на свободу. И вот в заключении, рядом, в том же уральском городе, оказался и сам либерал Львов.

В Екатеринбурге быстро формируется следственная комиссия по делу Львова и других (всех четверых, включая офицера Заболотского). Сначала она состояла из облкомиссара юстиции М.Х. Полякова и председателя Екатеринбургского совета, члена коллегии облЧК, одновременно в эти дни вступившего в должность и комиссара Народного просвещения области С Е. Чуцкаева, затем, почти сразу же, в нее ввели облкомиссара снабжения

П.Л. Войкова. Неофициально подключился к работе комиссии лидер уральских большевиков областной военной комиссар, а прежде – комиссар юстиции И.И. Голощекин **[док. №№ 2, 3, 9, 13 и др.]**. Несмотря на все усилия комиссии, особенно самого Голощекина, каких-то данных, признаний в контрреволюционной деятельности Львов не давал. Речь шла лишь о торгово-экономических делах. Львов сообщал, что бывшие сослуживцы по Земскому союзу предложили ему создать «Общество содействия торгово-промышленному развитию в России» с правлением в Москве и отделениями в США и Тюмени. В связи с этим он выехал в Тюмень со своими сподвижниками, где и начал организацию дела. Его пытались уличить в связи с обществом «Русское дело», но он категорически отрицал вхождение в таковое. И действительно среди многочисленных антибольшевистских организаций таковою, как будто бы, не существовало. Большое давление на Львова результатов комиссии не давало также **[док. №№ 2, 12, 13, 16, 18, 23]**. Да и судя по мемуарам Львова, книге его биографа Т.И. Полнера, в рассматриваемое время от политики князь отошел, в какой-либо организации не состоял.

В короткое время, когда в Екатеринбурге допросы только-только начинались, в Москве через родственников и друзей стало известно об аресте бывшего главы правительства, выдающегося земского деятеля. В ход были двинуты влиятельные фигуры, вхожие в «святая-святых» большевизма – Кремль, даже к его вождям. Активную роль играли бывшие земцы, так сказать, сослуживцы Львова, возможно, и «братья»-масоны, ибо он с их организацией, по многим данным, был связан. Ключевой фигурой оказался некто Глазберг.[7] В списке масонов Н.Н. Берберовой значатся два лица с такой фамилией – В.Н. и Н.Б.[8] Однако речь идет о зарубежном этапе русского масонства, эмиграции, и мы имеем дело, возможно, с простым совпадением имен. Так вот, этот Глазберг вывел дело на адвоката Габриеля (в общении –

Гавриил) Ивановича Хундадзе, вхожего и в Наркомат юстиции, и во ВЦИК, и к Я.М. Свердлову, другим руководителям. Московский присяжный поверенный Хундадзе раньше служил в Земском союзе, хорошо знал Львова, как и Голицына с Лопухиным. Он взялся защищать всех их, включая и Заболотского. Побывал у руководителей Наркомюста П.И. Стучки, его заместителя, старейшего большевика, сподвижника В.И. Ленина П.А. Красикова, заведующего уголовным отделом Наркомата, наконец, - председателя ВЦИК Я.М. Свердлова, добился их срочного вмешательства в дело **[док. №№ 5, 14-17, 23-а, 24]**. На имя комиссара юстиции Полякова поступает телеграфный запрос о причинах ареста Львова и остальных, с недвусмысленным добавлением: «и в случае невиновности, принять незамедлительные меры к освобождению». Документ был подписан заведующим Уголовным отделом Наркомюста, но с указанием на то, что инициатива исходит от Свердлова **[док. № 5]**. Телеграмма зам. наркома Красикова гласила: «Примите срочные решительные меры отмены произвольного ареста морским карательным отрядом в Тюмени Львова, Голицына, Лопухина к зачислению их за следственной комиссией и применению меры пресечения, соответствующей их деятельности, о результатах срочно сообщите. За народного комиссара юстиции Красиков» **[док. № 9]**.[9]

Уральским комиссарам никак не хотелось упускать из своих рук «крупную добычу». Пользуясь некоторыми противоречиями в телеграммах, как будто бы открывающейся надобностью в дополнительном расследовании «контрреволюционной деятельности» заключенных, упорного отрицания участия в таковой их самих, члены комиссии Поляков и Чуцкаев выехали в Тюмень, попытались собрать материал там **[док. № 16]**. При всем рвении такового добыть они там не смогли, разве что еще раз удостоверились в том, что Львов и другие в Тюмени проживали «без прописки», что

им вменялось в вину и прежде. Из Тюмени через Екатеринбург почти прямиком с той же целью в Москву выехал Поляков. Он допрашивал многих бывших земцев, предпринимателей, намеревался получить «компромат» на Львова от старого большевика Н.М. Терешковича, долго работавшего в Земгоре. Но неожиданно услышал о либеральном князе самый лестный отзыв вообще и рассказ о том, что он подбирал сотрудников не по политическим, а по деловым качествам, и что он вообще помогал революционерам, преследуемым царизмом подпольщикам. Терешкович подтвердил, что Львов уехал на восток именно с целью заняться коммерческой деятельностью **[док. №№ 16, 18]**. Сам Г.Е. Львов, сдерживавший эмоции, но возмущенный до глубины души в обвинениях, особенно в антинародности, о своей жизнедеятельности в пространной объяснительной комиссии писал: «Вся моя прошлая тридцатилетняя общественная деятельность по существу своему была непосредственным служением народу на почве не специфически политической, а на почве деловой строительной работы…

Каждый находит в общем движении место, соответствующее его прошлому и его миропониманию и убеждению. Не все находятся на одних и тех же ступенях революционной лестницы… Я лично сошел с нее в тот момент, кот[орый] определялся моим прошлым и моей ответственностью перед моей совестью… и я спрашиваю себя: в чем же моя вина перед Родиной и народом, которому я служил всю мою жизнь…» **[док. №№ 12, 13]**.[10]

Между тем в Москве в ход была двинута «тяжелая артиллерия»: в Екатеринбург поступил личный запрос Свердлова, требующий срочного ответа и датированный 29-м марта: «Совдепу… Сообщите немедленно судьбе арестованных Львова запятая Лопухина и Голицына. № 852. Председатель ЦИК Свердлов» **[док. № 14]**.[11]

В Екатеринбурге, а затем и в Тюмени, побывал Хундадзе, встретился с арестованным, оставил в делах комиссии «Заявление» от 15 апреля, как поверенный в делах четверых, убеждал власть имущих на Урале в незаконности содержания в заключении ни в чем неповинных людей, в прошлом активных земских, общественных деятелей, как и молодого офицера **[док. № 16]**.[12] И даже будучи вынужденными подчиняться диктату сверху, Свердлову в том числе, уральские руководители с освобождением Львова не спешили. Они по-прежнему искали доказательств в «вине» его и его сподвижников и только в мае-июне от части пересмотрели свою позицию **[док. №№ 16, 23-26]**. Это лишнее доказательство того, «что ослушаться» Голощекин и другие ретивые местные лидеры-экстремисты Свердлова, тем более – Ленина, в крупном деле не могли. Это к слову, - последовавший в июле кровавой акции – убийстве царской семьи, будто бы произведенного в Екатеринбурге без приказа из центра, даже вопреки ему произойти не могло. Так оно на поверку и вышло.

Руководители Урала, судя по документам, неохотно, но все же стали задумываться над вопросом ведения дела, последствиями задумывавшейся расправы над Львовым и его товарищами по несчастью. Но и теперь, после получения телеграммы Свердлова, они делали это не столь спешно, как могло бы быть. Лишь спустя несколько недель, 20 апреля, председателя ВЦИК проинформировал областной комиссар юстиции и член следственной комиссии М.Х. Поляков, выезжавший в Москву на съезд комиссаров юстиции. Свою поездку он использовал и для допросов там целого ряда лиц, имевших то или иное отношение к деятельности князя Львова. Проинформировал он тогда же и наркома юстиции П.И. Стучку **[док. № 24]**. Несколько позже, 26 апреля, из Екатеринбурга на имя Я.М. Свердлова была послана и телеграмма, в которой еще не содержалось информации об

изменении хода следствия и меры пресечения в отношении тюменских узников **[док. № 24]**. Нарком Стучка, возможно, не поставил в известность о полученной информации своего подчиненного – заведующего Уголовным отделением наркомата, или их она не удовлетворила, и последний 25 апреля шлет в Екатеринбург официальный запрос и требует «сообщить о причинах их ареста и, в случае невиновности, принять незамедлительные меры к освобождению их из-под стражи». Получение письма в Екатеринбурге было помечено 10-м мая **[док. № 17]**.[13] Не дождавшись ответа, высокопоставленный чиновник Минюста 18 мая вновь шлет запрос, на сей раз телеграфный, требуя «срочно сообщить в чем обвиняются» Львов и другие и «в каком положении находится в настоящее время дело» и т.д. **[док. № 23-а]**[14] Тормошил комиссию с запросами адвокат Г.И. Хундадзе. И вот в середине мая «лед тронулся»: следственная комиссия, читай – руководство области, ускорило процесс и стало склоняться к мысли поиска компромиссного решения проблемы, с одной стороны, «состряпать» обвинение, но только в несколько смягченной форме, с другой, - найти какие-то способы изменения к заключенным меры пресечения, под тем или иным предлогом их освобождения. 17 мая Поляков направляет телеграфное сообщение о том, что следствие заканчивается **[док. № 22]**[15], а на другой день, 18-го, письменную депешу заведующему Уголовным отделением Наркомюста. В ней было сказано: «Следствие по делу вышеуказанных лиц заканчивается и вопрос о дальнейшем направлении дела и о возможности применения меры пресечения будет поставлен на разрешение по окончанию следствия» **[док. № 23]**.[16] И дело тут же двинулось к завершению.

Завершая следствие, уральские лидеры все же приступили к составлению ложных обвинительных

документов. На всех четверых со сходным содержанием. Сначала, 19 мая, оно в форме протокола было составлено и предъявлено тяжело заболевшему князю А.В. Голицыну. Суть обвинения была выражена формулировкой – «пособничество» «лицам принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против советской власти». Но по подписке о неуклонении от суда Голицына отпускали в Тюмень, откуда он «без разрешения следственной комиссии не должен был ~~не~~ отлучаться» **[док. № 25]**[17]. В тот же день или вскоре Голицын был освобожден и уехал в Тюмень **[док. № 28]** [18].

Освобождение же остальных тогда не последовало. 25 мая даже постановили, что Н.В. Заболотского и далее надлежит содержать в тюрьме **[док. № 27]**.[19] Наконец, 4-го июня в отношении всех троих составлены были и приняты постановления, по содержанию практически такие же, что и в отношении А.В. Голицына 19 мая. Текст относительно Г.Е. Львова гласит:

«Постановление.

г. Екатеринбург. 4 июня 1918 г.

Ознакомившись с материалами, добытыми расследованием по делу Н.С. Лопухина, Г.Е. Львова, А.В. Голицына и Н.В. Заболоцкого *(так в документе – И.П.)* и считая вполне доказанными попытки некоторых лиц начать активную борьбу с большевиками путем создания по городам Сибири добровольческих дружин, Следственная Комиссия, образованная при Уральском областном Совете Рабочих Крестьянских и Армейских Депутатов – определяет:

Гражданину Георгию Евгеньевичу Львову предъявляет обвинение в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных наступлений против Советской власти, в пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам

содействия для выполнения их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки.

Члены Следственной комиссии

Чуцкаев
Войков
Поляков
(подписи – И.П.)».

Внизу обвиняемому проставлено: «Настоящее постановление мне объявлено, июня … дня 1918 года» (подпись Львова) **[док. № 26]**.[20] Н.С. Лопухин, в отличие от Львова, не преминул приписать: «Виновным себя не признаю»[21]. В Москву ушли сообщения и в адрес беспокойного и мужественного Г.И. Хундадзе («в настоящее время мера пресечения к вышеназванным лицам изменена, они освобождены до суда»), и в Уголовный отдел Наркомюста **[док. № 26]**.

Текст второго документа гласит: «Вследствие Вашего запроса от 18-го мая с.г. за № 3659 сообщаю, что согласно постановлению Следственной комиссии от 4-го июня 1918 г. Голицыну, Львову, Лопухину и Заболоцкому предъявлено обвинение в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооружённых наступлений против Советской власти, пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообщений непосредственных участников в подготовке добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия для выполнения их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки.

В настоящее время мера пресечения к вышеуказанным лицам изменена, они освобождены от Суда.

За областного Комиссара Юстиции

Секретарь (подписи)» **[док. № 26]**.

При этом следует обратить внимание, что документ датирован 2-м июля[22]. Официальные сообщения в Наркомат

юстиции о принятом постановлении об изменении меры пресечения, освобождении «до суда» Г.Е. Львова и других почти через месяц наводит на мысль, что тогда фактически оно вряд ли было реализовано. Вероятно, освобождение фактически произошло именно 2-го июля или незадолго до этого числа. И совсем не исключено, что случилось это еще позднее. Вопрос о моменте и точных обстоятельствах освобождения не вполне ясен и нуждается в дальнейшем изучении. Причем это могло произойти уже после эвакуации советско-партийных органов, сдачи Екатеринбурга «белым», где-то вне его. Хотя это гипотетическая версия, и автор склонен считать, что скорее всего освобождение и отъезд в Тюмень Львова и других произошел до того, в Екатеринбурге. Нельзя не обратить внимание на имеющийся в следственном деле документ, датированный 5-м августа 1918 г. (Екатеринбург был оставлен «красными» 25 июля), в котором сказано, что «гражданин Львов просил сообщить областному комиссару юстиции», что его показания закончены и могут быть представлены «на Ваше распоряжение». Документ подписан «заместителем начальника тюрьмы» (Екатеринбургской, эвакуировавшейся) **[док. № 30]**[23]. Эвакуация в итоге в Пермь производилась через Нижний Тагил в основном напрямую, но отчасти и через Алапаевск. Тюремное начальство с заключенными в начале августа могло находиться и в первом, и во втором из этих населенных пунктов. Могли взять с эвакуированными заключенными Львова и других, «греша» ложной информацией перед Москвой, и отпустить их где-то в пути. Скорее всего, речь могла идти об осевшем в тюремном управлении одном из показаний князя Львова и с опозданием переданного Следственной комиссии уже во время эвакуации. Так, дополнительные показания, в виде ответов на поставленные им вопросы, Львов составил 16-го мая.[24] В следственном деле за июль каких-либо документов –

«следов» о пребывании Г.Е. Львова в тюремных застенках не имеется. Очевидно, он уже был на свободе, в Тюмени.

Вернусь к приводившемуся сообщению для печати бывшего заключенного второй Екатеринбургской тюрьмы «Железнодорожного специалиста». Напомню, что этот железнодорожник указывал на выращивание Львовым зелени и использование ее, что в среднеуральских условиях могло состояться только к июлю, не раньше. В публикации говорится также вот о чем: «После предъявления обвинения князя Львова, Лопухина и князя Голицына освободили до суда. Князя Голицына выпустили раньше всех, и он уехал в Тюмень к своей семье, состоящей из пяти детей. Князь Львов и Лопухин так же хотели уехать в Тюмень к своим семьям, но, как я слышал, их отправили в Алапаевский завод под надзор совета». Автор публикации сам был освобожден 23 июня **[док. № 28]**.[25] Где он с этого времени проживал, насколько серьезным был источник этой информации – неясно. Автору не доводилось встречать каких-либо данных в документах и материалах, в том числе и в воспоминаниях бывшего комиссара юстиции Алапаевска Е.А. Соловьева, о нахождении там кратковременно Львова и других. Все же они, видимо, освобождены были в Екатеринбурге. Автор убежден в этом. Слухи о том, как оказался на свободе князь Г.Е. Львов, были многочисленны: и о совершенном им будто бы побеге[26], и об освобождении уже «белыми» по вступлении их в Екатеринбург[27] и т.п. Повод для них давали сами власти, не предавшие гласности свои действия в отношении его, очевидно, специально «тихо», «бесшумно» проводившие эту акцию после попыток расправы над аристократами, без афиширования своих замыслов. Освобождая Львова и других формально «до суда», «по подписке о невыезде» из Тюмени, уральские советские лидеры отдавали себе отчет, что на деле освобождают их вообще. Такими были требования «сверху»,

и такой была складывавшаяся историческая ситуация. Намеревались ли уральские власти на самом деле через какой-то промежуток времени организовать суд над Львовым – в общем, неясно. Их, видимо, просто освободили. Неафишируя этого акта, но с принятием обвинительного документа для сохранения «чести революционного мундира». Никаких, хотя бы косвенных, документальных материалов о поисках Львова и других в дальнейшем не встречается. Сам Львов потом на вопросы отвечал, что «не знает как [это] и объяснить». Его биограф Т.И. Полнер позднее писал, что помог «адвокат», а кто, каким образом тоже не объяснил[28]. Наверное, и такому честному человеку как Г.Е. Львову как-то неловко было рассказывать эмиграции о заступничестве за него большевистских вождей, когда летели головы сотен тысяч аристократов, генералов, офицеров и бывших чиновников.

Из Екатеринбурга (или другого среднеуральского пункта) Г.Е. Львов незамедлительно уехал в Тюмень, к семье, и там скрывался. Во всяком случае, вел себя, как и другие товарищи по несчастью, предельно осмотрительно. Встречающиеся скупые сведения свидетельствуют о прибытии Львова в Тюмень именно до захвата ее «белыми», то есть при «красных».

20 июля 1918 г. он со вступлением в город белоповстанцев оказался уже на территории антибольшевистской. 20-25 августа принял участие во втором Челябинском совещании представителей местных “белых правительств”, партийных, общественных организаций Поволжья, Урала и Сибири, почетных гостей от западных стран и филиала Чехословацкого совета, но не выступал.[29] Из Тюмени выехал на восток. В Омске встречался с представителями Временного Сибирского правительства, получил от него (а позднее, находясь уже в не России, и от Директории – Временного Всероссийского правительства)

полномочия. 23 сентября Г.Е. Львов уже был в Китае, в Харбине, в октябре – в США, а позднее в Париже. В конце 1918 года возглавил созданное им «Русское политическое совещание», претендовавшее на верховную политическую власть, но в дальнейшем признававшее таковую за правительством А.В. Колчака. Во Франции организовал материальную помощь белоэмигрантам и беженцам. Сам жил необычайно скромно – в одной комнате, страдая от разлуки по родной России. Умер 7 марта 1925 года в Париже в возрасте 63 лет. [30]

Источники

1. Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М. 1990. с. 72-73, 149, 171; Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М. 1997. с. 42-45; Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М. 1993. с. 196-197.

2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (в дальнейшем - ЦД ООСО). Ф. 41. Оп.1. Д. 94. Л. 1-2.

3. ЦД ООСО. Ф.41. Оп. 1. Д. 427. Л. 35; Комсомольская правда. 1991. 30 ноября; Труд. 1992. 16 декабря.

4. Сибирская речь. 1918, 18 июля.

5. Там же.

6. Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта.

7. ЦД ООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 166 об.

8. Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М. 1997. с. 107, 113, 148, 364.

9. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 123; Уральский рабочий. 1993. 10 апреля.

10. Уральский рабочий. 1993. 10 апреля.

11. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 127.

12. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 100-101.

13. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 123.

14. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 174.

15. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 169.

16. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 172 и об.

17. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 180; Д. 168. Л. 49.

18. Сибирская Речь. 1918. 18 июля; Уральский рабочий. 1993. 10 апреля.

19. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 189.

20. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 194.

21. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 193.

22. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 197 и об.

23. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 207.

24. ЦД ООСО, Ф.41. Оп.1. Д. 94. Л. 163.
25. Сибирская Речь. 1918. 18 июля.
26. Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996. с. 328; Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический словарь - справочник. Л-Я. М., 1997. с.37 и др.
27. Уральский рабочий. 1993. 10 апреля.
28. Полнер Т.И. Жизненный путь кн. Г.Е. Львова. Париж. 1932.
29. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. с. 187.
30. Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. с. 192-193; Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. с. 196-198.

Документ № 1

Протокол допроса следственной комиссии с участием военного комиссара Уральской области Ф.(И) И. Голощекина красноармейца Г.И. Попова[1] об обстоятельствах выявления в г. Тюмени и ареста князя Г.Е. Львова[2], князя А.В. Голицына[3], Н.С. Лопухина[4] и Н.В. Заболотского[5].

Протокол

22/9 марта 1918 года г. Екатеринбург

Красноармеец Екатеринбургского летучего отряда Григорий Иванович Попов, помощник машиниста на ст. Екатеринбург 1-й, проживающий в городе Екатеринбурге, показал: 9 марта т.г. (нового стиля) на вокзале в городе Тюмени, в 1 классе к нему днем, подошел какой-то неизвестный молодой человек, одетый в штатскую форму, по внешнему виду лет 23, и спросил, указывая на проходящих красногвардейцев, что это за люди, т.е. солдаты или красноармейцы. На это я ему ответил, что это красногвардейцы. На другой день 10 марта на той же станции днем ко мне снова подошел тот же самый человек и опять спросил тоже самое: что это за люди. На это я ему ответил, что это карательный отряд. Больше таких разговоров я с ним не вел. Через день после этого, т.е. 12 марта[6], когда мы, как участники манифестации, вследствие годовщины революции, двинулись с вокзала в город, тот самый человек пошел возле отряда с левой стороны вместе с другим собравшимся народом из числа зрителей по направлению к городу же. Долго ли он шел возле отряда и куда в конце концов направился сказать не могу т.к. потерял его из виду. После возвращения с манифестации, когда весь отряд наш обедал в буфете первого класса, опять тот же неизвестный человек снова подошел ко мне в то время, когда я сидел за столом и ел и спросил: кто это такие обедают. Я ответил ему, что это обедают члены революционного отряда. После того, как я кончил есть, я поднялся и отошел в сторону, а на мое место сел один из товарищей по отряду, к которому тот же неизвестный подошел и завел с ним какой-то разговор. Тогда я подошел к неизвестному и заявил ему, что он уже три раза обращался ко мне в разное время с одним и тем же вопросом, и теперь зачем-то расспрашивает сидящего товарища,

и тут же предложил неизвестному отправиться со мной в штаб отряда, находящийся тут же на станции. Задержал я неизвестного и повел в штаб потому, что поведение его мне показалось крайне подозрительным. На мой вопрос, кто он такой и не едет ли куда нибудь неизвестный ответил мне, что он едет в Омск, где у него находится семейство[7]. После того как неизвестный был приведен в штаб, я пригласил товарища Зверева, адъютанта карательного отряда, который в моем присутствии производил допрос задержанного мною неизвестного человека, оказавшегося по имевшимся при нем документам - поручиком кавалерии Николаем Васильевичем Заболотским.

Из допроса Заболотских выяснилось, что в Тюмени находится князь Львов, который часто бывает у Лопухина, имеющего в Тюмени квартиру, а этот же Заболотский находится на службе у Львова. Тогда же решили ехать к Лопухину для ареста Львова. По прибытии в квартиру к Лопухину, Львова там не оказалось и самого Лопухина там не было. О последним было семейными сказано, что он куда-то вышел и скоро прийдет. В то же самое время я заметил одну барышню, направляющуюся выйти из квартиры; она была мною остановлена и возвращена обратно. Спустя некоторое время пришел сын Лопухина; его сейчас же арестовали и отправили на вокзал в штаб карательного отряда. Тогда же на улице этими товарищами был замечен один старик, проходящий через площадь недалеко от квартиры Лопухина, который видимо, заметив стоящих у квартиры Лопухина матросов и красногвардейцев, побежал через площадь. Товарищи мои сейчас сели на извозчика, нагнали этого старика, одетого в черный пиджак, пимы и шапку с ушами и тут то на вопрос, кто он таковой, старик заявил, что он князь Львов. Его арестовали и увели на станцию в Штаб отряда.

К сказанному добавлю, что при обыске в квартире у Лопухина[8] семейными было заявлено, что один из сундуков принадлежит экономке. При вскрытии сундука обнаружены: мужское белье, гимнастерка с судейскими погонами и совершенно отдельно одна пара погонов. Относительно гимнастерки семейные Лопухина объяснили, что она князя Львова. Настоящее показание сделано в присутствии комиссаров: Юстиции и Военного

Уральского Областного Совета (подпись) Григорий Иванов Попов.

С подлинным верно:

Областной Комиссар Юстиции.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (в дальнейшем - ЦДООСО). Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.6, 6 об. Подлинник.

Документ № 1-а

Акт об изъятых у Г.Е. Львова и Н.С. Лопухина вещей в Тюмени, доставленных в Екатеринбург и сданных следственной комиссии.

22 марта 1918 г.

Бывшим военным Комиссаром Северного района и Западной Сибири Михаилом Антоновичем Зайпкус передано

1) вещи, принадлежавшие гражданину Георгию Евгеньевичу Львову: а) большой кожаный портфель с письмами и документами, б) брезентовая сумка с записными книжками и в) общая тетрадь.

2) вещи, принадлежащие гражданину Лопухину Николаю Сергеевичу: а) кожаный красный складной портфель с письмами, б) кожаный черный бумажник с документами и записками и в) три картонных папки с перепиской и бумагами, с надписью на одной из папок "личные дела", на другой "частная переписка". Все перечисленное в настоящем акте сдано мною (подпись) Зайпкус.

С подлинным верно:

Областной Комиссар Юстиции.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.6. Подлинник

Документ № 2

Протокол допроса Следственной комиссией Н.В. Заболотского.

23 марта 1918 г.

Протокол

допроса гражданина Николая Васильевича Заболотского, из мещан г. Лепецка[9], 22 лет окончил Московскую гимназию и Тверское Кавалерийское училище и ушел добровольцем на войну с 1-ого февраля 1915 года, служил в 6 гусарском полку. Эвакуирован из под Проскурова в 1917 году в ноябре. Воспитывался сначала на

средства отца, а затем старшего брата комиссионера в Москве[10]. Арестован, как показал, в Тюмени за знакомство с князем Львовым, с которым познакомился в Тюмени, хотя и ранее видел князя Г. Львова и брата, с которым князь имел торговые дела. У брата же встретился с Ник. Сем. [11] Лопухиным. Брат предложил мне поехать с Лопухиным в Сибирь, так как я по возвращении с военной службы, до вступления в университет, желал заняться торговым делом. При посылке в Сибирь в г. Тюмень, брат просил Лопухина ввести меня в торговое дело. По приезде в Тюмень я прежде всего старался приискать квартиру, так как брат меня просил об этом, намеревался переехать туда. В Тюмень приехал числа 15 февраля вместе с Лопухиным, пробыл там я с неделю времени и по совету Лопухина отправился на лошадях в Ялуторовск к тамошнему крестьянину Истюдетскому Луке Андреевичу, чтобы познакомиться с бытом сибирских крестьян. В Ялуторовске пробыл один день и вернулся с поездом в Тюмень. Явившись вечером, в день приезда в Тюмень, в квартиру Лопухина, я застал там князя Львова с которым и познакомился, при чем князь говорил Лопухину, не брат ли я Заболотского (у Лопухина встречал также кн. Голицына раза два). На другой день Лопухин командировал меня в Екатеринбург, сказав, что это он делает, посоветовавшись с князем Львовым, чтобы узнать цены на пушнину в магазине Алина и Ионова. Делалось это, как предполагалось, для того, чтобы развязаться с товаром, цены на который начали падать. намеревались также узнать об Американской, Английской, Шведской фирмах. По приезде в Екатеринбург ночевал на вокзале и заходил в магазин. Фирма посоветовала мне товар продавать, если есть покупатели, но сама от покупки отказалась. В магазине пробыл минут 20. После этого гулял по городу, смотрел между прочим, как учили красную армию. Уехал из Екатеринбурга в тот же день вечером с тов. пассажирским поездом, потому что пассажирский прозевал. Все время провел на вокзале, где встретил одну барышню с ее отцом, с которым я ехал вместе до Екатеринбурга из Москвы. На вокзале познакомился с торговцем евреем Цейтлин и с предста-телем *(так в документе - И.П.)*, иностранной шведской или Датской фирм, с которым вел переговоры относительно продажи пушного товара. По приезде в

Тюмень (вместе с Цейтлиным я ехал в одном поезде) был у Лопухина, которому передал об исполнении поручения в Екатеринбурге и о предложениях Цейтлина, но Лопухин продать пушнину отказался, находя цены неподходящими. На другой день вечером Лопухин сказал, что посоветовавшись с князем Львовым он решает послать меня в Тавду по лесным делам. Но видя большую потерю времени и неудобства связанные с этой поездкой, а также в виду моей связанности личными делами поездку мою на Тавду отменили. На Тавду был командирован В.Н. Авдеев, я же, Заболотский, получил поручение поехать в Омск с целью найти покупателя на пушнину. В Омск я поехал тем охотнее, что я намеревался в Омске также поискать квартиру и в случае неудачи поехать для этой же цели, а также чтобы поискать покупателей на пушнину в Томске, Иркутск. За исполнение поручения мне был дан готовый проезд в Иркутск, мне давали письмо Марии Николаевны Колокольниковой к Пустонину (книжный магазин) с просьбой оказать мне содействие. В эту поездку я намеревался отправиться 28 февраля.[12] Но был арестован на вокзале с вещами (подушка, чемодан). История ареста такова: Ник. Сер. дал мне три телеграммы в Москву в имение и до[мой]. Отправляясь для сдачи телеграмм я просил одного старика похранить мои вещи. Старику этому я показался, видимо, подозрительным своим костюмом, телеграммами и тем, что писал письма. Арестован был я после того, как спрашивал красногвардейцев из какого они отряда: карательного или железнодорожного. Об организации последнего я слышал в Екатеринбурге.

На вопрос почему, несмотря на то, что все поручения давал Лопухин, Заб. в письмах от 21 и 27 февраля пишет о поручениях кн. Львова, Заболотский объяснил, что Лопухина он считал лишь передатчиком той инициативы в ведении дела, которое исходило от кн. Львова.

На вопрос в письме от 27 февраля Заболотский пишет, что он едет по поручению кн. Львова в Иркутск, в показании же объяснил, что первой целью поездки были г. Омск, на которого и намеревался взять билет. Заболотский разъяснил, что Иркутск предполагал конечным пунктом поездки, а Омск ее первым этапом.

На вопрос в письме от 27 февраля указывается, что

командировка в г. Иркутск оказывается очень серьезной, важной для меня - чем же эта поездка серьезнее поездки на Тавду, о которой говорится в этом же письме, Заболотский объяснил, что поездка на Тавду - эта поездка для будущего, туманного будущего; считая себя незнающим лесное дело, полагая, что добытые сведения не покроют расходов по поездке. Поручение же на счет цен и сбыта мехов и заинтересованность Американского рынка в сбыте мехов и вместе с тем связанного сильно с материальной стороной командировавших меня лиц представлялось мне более серьезной, как услуга по отношению интересных в моем будущем лиц. Упоминание в моем письме, что мои поездки могут последовать до Владивостока - была рисовкой перед знакомой барышней, а м.б. я предполагал в начале поездки и в Владивосток.

На вопрос участвовал ли в демонстрации 12 марта, Заболотский объяснил, что часть шествия видел из окна вокзала, где ожидал поезда, сам никакого участия не принимал.

Н. Заболотский.

При допросе присутствовали члены Следственной Комиссии Чуцкаев, М. Поляков, Голощекин[13]. 23 марта 1918 г.

С подлинным верно:

Областной комиссар юстиции.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.7-8. Подлинник.

<u>*Документ № 3*</u>

Показания бывшего военного комиссара Северного района и Западной Сибири М. А. Зайпкуса[14] по делу князей Г.Е. Львова, А.Т. Голицына и Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского

22 марта 1918 г.

Какой-то Львов[15] приезжал к князю Львову 12 марта в 1 час вечера неизвестно было ли это б. прокурор Святейшего Синода или брат князя Львова крупный заводчик Урала. По описанию прислуги и др. лиц, которые видели Львова я предполагаю, что данное лицо б. Обер прокурор (роста выше среднего, полный, маленькая бородка, плешивый). Данный Львов приехал из Камышлова и находился в квартире князя Львова[16]. Мною были обысканы все номера и гостиница, но нигде его не нашли, я предполагаю, что

приехавший Львов должен находиться на квартире князя Львова. Мною в два часа ночью был послан отряд для производства обыска в квартире. Приехав отряд начал стучаться в двери, заявив, что у него *(так в документе - И.П.)* стучится офицер. После некоторого молчания ворота были открыты. Отрядом был произведен тщательный обыск, но никого не нашли. На вопрос, заданный прислуге, кто был: она ответила, что сейчас выбежал господин, приехавший несколько часов и куда то скрылся. Отрядом был произведен обыск всего двора, конюшен и пр. Но нигде его не нашли. Он по всей вероятности перепрыгнул через забор и скрылся. Кроме того князь Львов жил без всякого прописки (в приказе № один было определенно сказано "все лица обязаны быть прописаны под страхом наказания до 10 месяцев общественных работ) квартира помещалась в канцелярии Конского Запаса[17], помещающегося на сенной площади. Все письма были адресованы "Писаревой" (подпись) Зайпкус.

Настоящее показание дано в присутствии Комиссаров Урала Юстиции и Военного.

22/9 (подпись) Зайпкус.

С подлинным верно:

Областной Комиссар Юстиции.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.3.Заверенная копия.

Документ № 4

Показания адъютанта карательного отряда М. А. Зайпкуса Н.И. Зверева об обстоятельствах ареста в г. Тюмени кн. Г.Е. Львова, кн. А.В. Голицына, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского.

22 марта 1918 г.

В 20 часов 15 мин. на 13 марта н/ст. ко мне адъютанту Карательного отряда был приведен арестованный нашими красноармейцами молодой человек лет 23-25 в военной поношенной одежде. При моем опросе выяснилось: означенный гражданин был офицер кавалерии Николаем Васильевичем Заболотцким, сначала он нервничал, говорил сбивчиво, относительно своего пребывания в Тюмени; но когда я ему

пригрозил и потребовал его записную книжку и письма, он стал более откровенен, между прочим про кн. Львова он говорил, что он часто бывает в Екатеринбурге, познакомился у Лопухиных и поступил к нему на службу за неимением средств для существования. Местонахождение кн. Львова он долго не говорил, но когда я ему дал слово, что не скажу, кто его выдал, он дал подробный адрес, по которому и арестовали кн. Львова и Лопухина. Что же касается знакомства с Лопухиным, то он был еще знаком в 1912 г. в Москве, вместе вращались в высшем обществе. Все переписки арестованных переданы Военному Комиссару. Больше показать не могу.

22/III.18 г. г. Екатеринбург

Адъютант (подпись Зверев Ник. Ив.)

Настоящее показание дано в присутствии Комиссаров: Юстиции и Военного Уральского Областного Совета.

Адъютант Зверев:

С подлинным верно:

Областной Комиссар Юстиции.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94. Подлинник.

Документ № 5

Текст телеграммы заместителя наркома юстиции председателю исполкома Тюменского уездного совета Н.М. Немцову, полученной им 17 марта и в копии переданной на другой день в Екатеринбург руководству Уральской области.

17-18 марта 1918 г.

Российская Советская Федеративная республика	Копия Срочно, Тюмень, Совдеп. Печать Москва 75243=3д=16=1715
Тюменский уездный Исполнительный Комитет Советов	Принята 17 марта 1918 г.[18] 30 слов: Исправление последует

5/18 марта дня 1918 г.[19]
N -”-
гор. Тюмень
телефон N 25

Предлагаю немедля сообщить Москву Народный

Комиссариат Юстиции основания задержания князя Львова, Голицына, Лопухина. Если обвинения в конкретных преступных действиях не имеется - арестованные должны быть освобождены. Перевоз арестованных Москву излишен, во избежание эксцессов в пути = Занаркомюст Ширвиндт

С подлинным верно:

Председатель Тюменского Исполкома

печать (подпись)

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.11. Подлинник письма с заверенной копией.

Документ № 6

Заявление директора Тюменского коммерческого училища В.И. Колокольникова в органы советской власти о готовности взять на поруки арестованных Г.Е. Львова и Н.С. Лопухина[20].

18 марта (по н. ст.) 1918 г.

Тюмень 5-го марта 1918 г.

Мне, нижеподписавшемуся, князь Георгий Евгеньевич Львов и Николай Сергеевич Лопухин лично известны и я выражаю готовность взять их обоих на поруки.

Директор Коммерческого училища

Виктор Иванович Колокольников.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.12. Подлинник.

Документ № 7

Заявление руководителей организации Тюменского конского запаса в защиту арестованного Г.Е. Львова.

18 марта 1918 г.

По поводу ареста Георгия Евгеньевича Львова, мы, служащие Тюменского Конского Запаса Всероссийского Земского Союза считаем своим нравственным долгом настоящим засвидетельствовать, что Георгий Евгеньевич Львов с конца ноября месяца прошлого года проживал беспрерывно в бывшей квартире Довлет-Кильдеева, переданной в последствии Г-же Писаревой, каковая квартира находится рядом с канцелярией Конского запаса, в доме Михалева на Базарной площади.

На сколько нам известно Георгий Евгеньевич жил на покое

и вел санаторный образ жизни; из посторонних лиц у него никто не бывал за исключением родного брата Сергея Евгеньевича, бывшего у него раз или два проездом и, сам он, по нашим наблюдением, нигде не бывал, на основании чего и полагаем, что Георгий Евгеньевич никакими политическими делами в Тюмени заниматься не мог. 1918 года Марта 18-го дня.

Заведующий Тюменским Конским запасом (подпись)
Контролер того же Запаса (подпись)
Заведующий хозяйством (подпись)
Помощник духовника (подпись).

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.15. Подлинник.

Документ № 8

Постановление исполкома Уральского областного совета о передаче доставленных из Тюмени Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского в распоряжение Следственной комиссии при Екатеринбургском ревтрибунале.

1918 г.[21]

Областной
Исполнительный комитет
Советов Рабочих
Крестьянских и Солдатских
Депутатов
Урала
-...-
№ 1572

19 марта 1919 г.[22]
Следственной комиссии

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Переданных Комиссариат Западной Сибири тов. Запкусом в распоряжение областного Совета арестованных им князя Львова, Голицына, Лопухина и др. Областной Совет постановляет передать в распоряжение Следственной комиссии при Екатеринбургском Революционном Трибунале.

Штамп:
Следственная
комиссия
20 марта 1918 г.
Екатеринбургского
Совета
Раб. и Солд. деп.
Входящий № 1103

Председатель (подпись)
Секретарь (подпись).

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.18. Подлинник.

Документ № 9

Постановление Следственной комиссии о заключении Г.Е. Львова, А. В. Голицына, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского в первую Екатеринбургскую тюрьму.

20 марта 1918 г.[23]

Печать

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Следственная комиссия постановляет: граждан Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболоцкого подвергнуть в качестве меры пресечения уклонения от суда и следствия содержанию под стражей и заключения в Екатеринбургскую тюрьму.

Член следств. Комиссии Чуцкаев

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.18. Подлинник.

Документ № 10

Копия телеграммы заместителя народного комиссара юстиции П.А. Красикова[24] **руководству Уральской области для комиссара юстиции Урала М.Х. Полякова об отмене ареста Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.С. Лопухина.**

21 марта 1918 г.

Из Москвы. Екатб. Срочно
Копия комиссару юстиции
№ 4729
Принята 21/3-го 1918 г.

Примите срочные решительные меры отмене произвольного ареста морским карательным отрядом в Тюмени Львова Голицына Лопухина к зачислению их за следственной комиссией и применению меры пресечения соответствующей деянию их о результатах срочно сообщите

За Народного Комиссара юстиции Красиков № 215.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.30. Подлинник.

Документ № 11

Телеграмма комиссара юстиции Уральской области М.Х. Полякова народному комиссару юстиции о том, что Г.Е.

Львов и другие числятся за Следственной комиссии и производстве над ними срочного следствия.

Не ранее 21 марта 1918 г.

Отпуск
Москва
215
Народному Комиссару Юстиции

Задержанные Львов другие числятся Следственной Комиссией Областного Совета Производятся срочном порядке дознания

Областной Комиссар Юстиции.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.44. Подлинник.

Документ № 12

Показания кн. Г.Е. Львова Следственной комиссии об обстоятельствах приезда и обоснования на жительство в г. Тюмени, неучастии в антисоветской деятельности, основных этапах своей общественной деятельности[25].

7 апреля 1918 г.

7 апреля
(25 марта) 1918 года

От напряженной работы в течение 3-х лет все увеличивавшейся сперва на посту Главноуполномоченного Всер. Зем. Союза, а затем Министра Председателя Временного Правительства я захворал от переутомления. Доктора нашли у меня значительное расширение сердца и аорты и определили необходимость продолжительного отдыха и полного покоя. В июле 1917 года пробыл около месяца в санаториях, затем поехал в Ялту, где пробыл также около месяца, пока грело солнце и в октябре вернулся в Москву. Однако к тому времени я не чувствовал никакого улучшения в своем состоянии здоровья. Др.[26] Воробьев указал мне, что недельные отдыхи недостаточны для восстановления сил, и что если я хочу еще быть способным к работе - необходим радикальный продолжительный отдых и полное спокойствие не неделями, а целые полгода или год. Пробыв в Москве до конца ноября и чувствуя, что общая слабость меня не

покидает, я решил, следуя советам докторов, выехать из Москвы и изменить условия жизни, которые исключали возможность полного спокойствия. Имея в виду необходимость создать совершенно новые условия жизни, после некоторого исследования вопроса, я избрал для жительства гор. Тюмень, в котором раньше не бывал, по следующим общим соображениям. Сибирь и Сибирская жизнь мне близко знакома давно интересуюсь ею и люблю ее. Десять лет тому назад, состоя Главноуполномоченным общеземской организации, в год усиленного переселенческого движения мною была предпринята экспедиция на Амур и Дальний Восток для помощи переселенцам и изучения условий нашей колонизации восточной Сибири. В экспедиции этой принимали участие более 100 человек интеллигентных работников и в результате, кроме непосредственного облегчения переселенцам и достигнутым крупным улучшениям в переселенческом деле вообще, получился литературный коллективный труд "Приамурье" в виде объемистого тома в 800 слишком страниц по изучению Амурской и Приморской области. Данные по изучению были собраны опытными статистиками, научно обработаны и вскрыли всю оффициальность правительственной политики, не только в переселенческом деле, но и в общей политики по отношению к нашей богатой окрайне. Лично меня работа эта связала с Сибирью, привлекла меня к ее жизненным интересам, грубо пренебрегавшимся Правительствам, и подвинула на дальнейшее изучение вопросов колонизации вообще, для чего я ездил в Америку и в Канаду. К сожалению, политическая жизнь отвлекла меня в другую область общественной работы, мне не удалось закончить начатой работы, но все вопросы связанные с колонизацией и Сибирью остались мне очень близкими и захватывающими мой интерес. Вот почему когда мне потребовалось подумать о создании новых условий жизни и новой возможности для меня работы, я невольно и естественно обратился мыслью к Сибири. Западная Сибирь мне была знакома лишь теоретически, но я имел представление о ней, благодаря непосредственному знакомству моему с условиями края и быта также переселенцев на Амуре и Дальнем Востоке. Непосредственная географическая близость ее к Европейкой России, более старая колонизация ее и неменьшая хотя и иного

рода природные богатства ее заслуживают внимания и изучения может быть в большей степени чем крайние наши восточные области. Перед ней, перед Западной Сибирью в смысле изучения ее мы несем еще большие недоимки, чем перед Дальним Востоком, постоянно привлекавшим внимание центра своими блестящими богатствами. Западная Сибирь более однообразная и менее блестящая успела приобрести обычные формы примитивного экономического быта самого экстенсивного типа сельскохозяйственной промышленности столь обычной у нас и не вызывало ни в правительственной ни в общественной среде, никаких экономических беспокойств и интересов. Между тем значение ее тем не только в смысле наличных богатств, но и в общей экономике России громадно. Особенное значение имеют ее леса не только по их количеству определяемому более 110 мил. десятин, но и по их значению на внутреннем и мировом рынке. Их качество и их положение на лучших водных бассейнах давно уже привлекали внимание мирового рынка, нашего же внимания до сих пор они не заслужили. Я не буду касаться здесь возмутительного пренебрежения к природным богатствам Сибири старого правительства и преступного хищнического отношения к ним, не буду касаться и простительного, но безжалостного хищнического хозяйства Сибирского крестьянства, уничтожавших общими усилиями народное достояние. Я отмечу только самый факт гибели колоссальных богатств, котор. взывает к культурным силам страны, чтобы они стали на стражу интересов не только местных сибирских, но и всей России. Всему свету через [нее], и надо надеяться, что закрытая для приложения интеллектуальных сил заглушается порочным царским режимом не только политическая, но и экономическая жизнь Сибири получит наконец возможность приложить свой труд на пользу родине и в Сибири. Это естественная мысль и законное желание применить свой жизненный опыт и свои силы при новых изменившихся личных условиях жизни в новых общих условиях и легли в основу моего решения уехать в Сибирь и надежде, если вернутся мне силы, в будущем приложить их в той области, в которой я имею накопленный опыт.

Когда, уезжая из Москвы, я сообщил о своих планах

некоторым близким, у них возникли мысли, что многие могли бы приложить свои силы в Сибири не только в изложенном смысле, но и чисто в практических целях - найти заработок в деятельности на экономическом поприще. Несколько лиц решили тогда же, не ожидая выяснения этих возможностей переехать тотчас же в Западную Сибирь, ввиду тяжелых жизненных условий в Москве: страшной дороговизны и невозможности пропитать в ней свои семьи. Было решено прежде других выехать мне, выяснить на месте путем осмотра, в каком из городов окажется удобнее и дешевле жить, и тогда же выехать из Москвы другим. Принципиально при мне в Москве окончательно было принято решение ехать семьями Лопухина и Голицына. В конце ноября, после предварительного запроса телеграммами заведующих отделениями земконя разбросанных в разных городах Западной Сибири, я выехал прямо в Тюмень и, выяснив возможность найти в ней квартиры и благоприятные условия в смысле продовольственном, сообщил об этом Лопухину. Через 2 недели приехали в Тюмень семьи Лопухина и Голицына и с ними моя тетка Писарева, в семье которой я живу более 12 лет. Много времени было употреблено на поиски квартир и устройство жизни, ибо общие условия ее и в Тюмени быстро осложнялись. Но так или иначе все устроились и были довольны. Я лично получил полную возможность отдыха. Совершенно отрезался от внешнего мира, ни с кем не сносился письмами, ни с кем не виделся и даже редко читал газеты. Одним словом создал условия, которые были предписаны мне врачами. За все время я выезжал из Тюмени четыре раза - и все четыре раза поездки эти имели для меня значение отдыха и знакомства с условиями экономического быта. Первый раз я ездил с Лопухиным в Ялуторовск на лошадях познакомиться по пути с Сибирской деревней и повидать в Ялуторовске некоего Городецкого, торговца пушниной и выяснить с ним положение этого товара на рынке. Мы решили, чтобы сохранить имеющиеся у нас незначительные средства, не держать их в денежных знаках, а обратить в товар. Таким образом эта поездка имела и некоторое практическое значение для нас лично.

Вторую поездку я сделал с Голицыным на Тавду и Иксу[27]. Знакомились с положением лесной промышленности, Лопухин

между прочем обратился к лесопромышленнику Шестаеву, который, объясняя условия эксплоатации лесов, предложил нам поехать с ним на место, на его собственную выработку в Пальшинском участке по р. Икве и там познакомиться с характером Тавдинских лесов и работой в них. Лопухин должен был со дня на день ехать в Москву в земсоюз и я поехал с Голицыным. Поездка эта имела для нас большой интерес, так как мы имели возможность не только видеть леса и расспрашивать местных крестьян об их хозяйстве, но и осмотреть подробно эксплоатируемый Шестаевым участок и узнать ход этой разработки не только в освещении крестьян, но и в освещении опытного лесопромышленника. Впоследствии оказалось, что Шестаев желает продать свой участок, но дело нам совершенно не подходило.

Третью поездку я сделал в Осипово-Суерское на ярмарку, где Городецкий покупал пушнину. Кроме прямого интереса в процессе этой покупки, меня интересовала сибирская ярмарка вообще и пушное дело в первых его стадиях. Я вынес из этого знакомства с ярмаркой много поучительного и рисующего положение пушниной торговли и пушного промысла.

Наконец четвертую поездку я сделал с Голицыной в с. Исетское[28], где мы хотели найти квартиры, или вернее найти дачные помещения на лето. Мы знали, что там можно было найти дачи для всех наших семей и поехали осмотреть местность. Действительно мы удостоверились в полной возможности поселиться там и вынесли о местности самое лучшее впечатление. Но решение этого вопроса откладывали до возвращения Лопухина из Москвы для обсуждения, найдет ли он возможным перевозить свою многочисленную семью за 70 верст в глухую местность. Мы надеялись кроме того, что обнаружится возможность найти дачу где нибудь и ближе. Однако Лопухин не встретил препятствий к переезду всей семьи на лето в Исетское, нигде больше подходящего места не находилось - и мы все вместе решили ехать на лето в Исетское. Вместе с Голицыным я ездил также в с. Малая Балда для поиска дачи, но эта поездка была нескольких часов и мы там ничего не нашли. Вот в чем выражалась за все мое время пребывания в Тюмени моя связь с внешним вне Тюменским миром. Правда, с самого начала, да еще в Москве, я намечал себе план

поездки в Омск, Томск и Иркутск, дабы повидаться там с знатоками Сибири, надеясь найти среди профессоров и общественных деятелей не только сочувствие и помощь, но и прямые практические указания и советы. Однако ни состояние моих сил, ни условия путешествия по ж. дорогам не располагали меня к такому путешествию, и я никуда не поехал. Во всяком случае я не решился бы по состоянию здоровья ехать куда либо одному. Когда вернулся из Москвы Лопухин и рассказал мне об образовывающемся там Обществе, кот. дало ему прямые, конкретные поручения и он должен был ехать в Новониколаевск, я стал рассчитывать на совместную с ним поездку. Но рассказы об условиях переезда по ж. дорогам меня пугали и удерживали я вновь откладывал и откладывал это путешествие и так и не поехал. Поручив Заболотскому проехать в несколько городов по линии ж.д. для собирания сведений на рынке пушнины, мы поручили ему также выяснить, насколько возможно вообще путешествие по ж.д. я полагал, что простой личный опыт поездки Заболотского даст нам верные данные, кот. и определят нам, ехать или не ехать. Но он был арестован на вокзале в Тюмени, а затем и мы т.е. я, Лопухин и Голицын. Чем был вызван этот арест для меня абсолютно непонятно. Дня за 2 до нашего ареста в газетах была помещена телеграмма из Владивостока о том, что в Пекине образовалась, якобы под моим главенством новое русское правительство. Явная ложь меня мало смутила, однако слова обращенные ко мне членами отряда Запкуса, арестовавшего меня, ясно свидетельствовали о непосредственной связи моего ареста с этим известием. Может абсурд этой связи был ясен для меня ушедшего от политической жизни и безвестно проживавшего почти 4 месяца в Тюмени, но для посторонних незнавших моей жизни одновременное мое фактическое пребывание в Тюмени и известие о пребывании в Пекине не исключало возможности подозрений вызванных этим известием, но выяснение полного отсутствия всякой связи этого известия с истинной действительностью столь одинаково легко как с того, так и с другого конца, что я надеялся на выяснение этого недоразумения с течением нескольких дней. Но вот уже четвертая неделя, как я лишен со своими товарищами свободы и это дает мне повод предполагать, что на почве одного недоразумения выросло

какое либо новое. Я не могу сосредоточиваться на догадках о поводах такого рода недоразумения. В моем фактическом прошлом нет никаких поводов, но мне особенно прискорбно и мучительно, что со мной вместе лишены свободы мои друзья может быть и даже наверное только за то, что они мои друзья. Если не в настоящем, то в моем прошлом несомненная политическая деятельность, о характере и значении кот. я скажу несколько слов ниже. Друзья же мои Лопухин и Голицын являются по истине жертвами недоразумения только потому, что они мои друзья, что жили в Тюмени с кн. Львовым и вместе с ним выехали из Москвы. Ни тот ни другой ни в настоящем, ни в прошлом ни к какой политике не были причастны и вся работа их на общественном поприще была далеко от политики. Лопухин всю жизнь работал в области чисто практической хозяйственной, а Голицын был земским врачом и общественная деятельность его не выходила за пределы родного уезда, которому посвятил свои силы. Что касается Заболотного, то я увидел его в первый раз в Тюмени, совершенно не зная его, но достаточно самого беглого десятиминутного разговора с ним чтобы понять, что этот юноша не может быть причастен ни к какой политической жизни. Меня гнетет сознание, что люди обремененные своими семьями, ни в чем решительно неповинные страдают только за то, что близки мне. Что же касается лично меня, то недоразумение жертвой кот. я стал усугубляется психологическим моментом. Внешняя сторона недоразумения меня мало смущает. Фактическая часть его будет выяснена и недоразумение рассеется, но психологическая сторона, кот. несомненно для меня лежит в основе, но остается для меня неясной и тяжелой. С этой точки зрения для меня тяжело сопоставление всего моего прошлого с мотивами моего ареста, кот. могут вытекать за отсутствием состояния настоящего революционного момента. Вся моя прошла 30-летняя общественная деятельность по существу своему была непосредственным служением народу на почве не специфически политической, а на почве деловой строительной работы. Она проходила в непрестанной борьбе с царским бюрократическим режимом за освобождение. В разных стадиях соответственно исторической эволюции народной борьбы за свободу, она принимала разные формы и различалась разною

интенсивностью, но неуклонно она шла всегда к одной цели - свободе. Начиная с 1891 г. я стоял во главе широких общественных организаций по борьбе с голодом. Одиннадцать голодных компаний я провел в упорной борьбе с царским правительством. В японскую войну я был Главноуполномоченным общеземской организации, сыгравшей столь значительную роль в освободительном движении 1905 г. Затем я был во главе упомянутой мною выше помощи переселенцам на Дальнем Востоке и, наконец, три года войны Главноуполномоченным Всер. Зем. Союза, выполнившего колоссальную государственную работу и имевшего крупное и решающее значение в подготовке февральской революции и свержении царя. Вся эта работа служила постепенному росту общественных сил в чисто деловой общественно-строительной сфере и создавало тем особенно трудные условия борьбы с ними для правительства. Применяя по отношению к этой деятельности всевозможные репрессии, оно не в состоянии было запустить и прекратить ее, как служащую истинным нуждам народа - в государственно хозяйственной области. На этой деловой почве росло и политическое значение и политическая сила общественных организаций и завоевывалась свобода работы и ее влияния. Деятельность Зем. Союза во время войны захватило уже все отрасли государственного управления и обнаружило в самых разнообразных сферах сверху до низу всю численность государственного хозяйства и полную несостоятельность его управления. Правительство было уже не в силах бороться с разрастанием организаций Зем. Союза, уступало ему по всей линии работы и прибегало к мерам борьбы с ним, как место политической организацией. Но было уже поздно. Зем. Союз внес уже со своей государственной работой должную силу и влияние в политическую борьбу и вместе со всем народом свергал царя и старый режим. Революция поставила меня во главе первого революционного правительства и внешняя и внутренняя связь этого момента с моим прошлым ясна. Но развитие революции имеет свои законы. В своем поступательном движении вперед, оно вошло в новые фазы своего развития. Каждый находит в общем движении место соответствующее его прошлому и его миропониманию и убеждениям. Не все находятся на одних и тех же ступенях

революционной лестницы и многие из них, кто в свое время вступил и на первые ее ступени не дошли не могли дойти до следующих. Я лично сошел с нее в момент, кот. определялся моим прошлым и моей ответственностью перед моей совестью. Я ушел от всякой политической деятельности, но именно в этот момент я и подвергся лишения свободы и я спрашиваю себя в чем же моя вина перед родиной и народом, которому я служил всю мою жизнь, в том, что я служил ему, когда у меня были силы и когда они были нужны и полезны ему, или в том, что я устранился от всякого участия в политической работе, когда у меня их не стало и когда они ему были не нужны. Я глубоко верю и никогда ни на одну минуту не утрачивал веры в совесть и правду русского народа и уверен, ни в том, ни в другом он меня не обвинит[29]. Арест мой не имеет никакой связи ни с моим прошлым, ни с мои настоящим и не вытекает из истинного положения вещей. Вот почему в сопоставлении с этими истинным положением вещей он для меня тяжел и вот почему я отношу его за счет исключительной психологической атмосфере настоящего революционного момента.

Г. Львов (подпись)

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.. Л. 70, 70 об., 71, 71 об. Подлинник, рукопись, составленная Г.Е. Львовым.

Документ № 13

Показания кн. Г.Е. Львова на допросе о своей деятельности Следственной комиссии, в данном случае названной как комиссия "областного Совета комиссаров Урала".

7 апреля 1918 г.

7 апреля (25 марта) 1918 года.

Георгий Евгеньевич Львов, бывший Министр Председатель Временного Правительства, родившийся в 1861 году, в присутствии Членов Следственной Комиссии Областного Совета Комиссаров Урала - Военного комиссара, Комиссара юстиции и [нрзб][30] управления дал следующие показания после того, как комиссией было заслушано письменное объяснение Г. Е. Львова касательно причины переезда его в Тюмень и целей поставленных им, вызвавших его отъезд из Москвы на заданные ему Г.Е. Львову

вопросы: Я не прописывался в Тюмени потому, что при посадке в вагоны при выезде из Москвы паспорт был у меня похищен, а затем, когда новый паспорт был получен мною в Тюмени, я не торопился с пропиской. При разрешении вопроса о поездке в Тюмень мною велись предварительные переговоры с П.В. Глебовым[31], Н.С. Лопухиным, Михайловым, А.В. Голицыным, Сухотиным и другими. Все они отнеслись очень сочувственно к мысли о поездке в Сибири при чем некоторые из них решили сейчас же выехать из Москвы. Предварительно Глебов, как и заведывающий отделом Земконя в Главном Союзе (Всероссийском Земсоюзе) наводил справки о том, какой из городов Сибири является наиболее удобным для поселения в нем. С Николаем Заболотским я познакомился лишь в Тюмени, куда Заболотский приехал вместе с Лопухиным. Брата же Заболотского Пантелеймона знал и раньше так как он был одним из работников в Земском Союзе, проживая постоянно в Москве. Идея образования Общества, которое должно было поставить себе целью эксплуатацию природных богатств Сибири носилось в умах среди работников Земского Союза. Но только уже после переезда мною в Сибирь в Москве стали приниматься меры для практического осуществления этой идеи. Весь этот план по созданию общества осуществился без моего участия, так как меня в Москве в то время не было. В осуществлении этого плана принимали участие Лопухин, Глебов, Голицын, Михайлов, Заболотский Пантелеймон (уже упомянутый мною выше) и некоторые другие. Насколько мне известно, общество это как таковое еще не было сконструировано: но пока ограничивалось лишь предварительным обсуждением. Из товарищей моих по работе в составе Временного Правительства никто никакого участия в обществе не принимал, но о предполагающейся организации Общества знали Леонтьев и Щепкин[32].

Никаких собраний не было, кроме обсуждения вопросов, связанных с организацией общества, шестью, семью лицами, указанными мною. Что же касается заявления, имеющегося в письме Писарева из Ессентуков от 4 января 1918 года о собрании с участием Щепкина и Леонтьева и произошедшем расколе с

Заболотским, то должен сказать, что все же и Щепкин и Леонтьев активного участия в организации общества не принимали и сразу же к идее о создании общества отнеслись отрицательно и в отношении к Заболотскому полагали, что он, как человек не своего круга должен быть вообще отстранен от всякой работы в Обществе.

Что касается организации в Москве под названием "Русское дело", то по этому вопросу мне абсолютно не известно. Уехав из Москвы, я порвал связь и со всеми Московскими деятелями, а в том числе и с Леонтьевым. За все время пребывания моего в Тюмени я виделся лишь с А.А. Эплером, приезжавшим в Омск по поручению Народного банка. С инженером Ладыженским в Сибири я не виделся, знал лишь, что он приезжал в Тюмень, но причина его приезда мне неизвестна. Ничего также, как я не знаю, виделся ли Ладыженский с Голицыным, Лопухиным. Леонтьев написал мне только письмо с упреками по моему адресу за то, что я совершенно отстранился от политической деятельности (копия рукописи). Н. Заболотскому никаких серьезных поручений не было дано, он был послан сначала в Екатеринбург, а затем в Сибирь с целью выяснения вопроса о том, существует ли спрос на пушнину и какая существует на нее цена. Поездка в Екатеринбург осуществилась, поездке же в Сибирь помешал его арест. Маршрут при поездке Заболотского в Сибирь намечен через крупные города Сибири, но во всяком случае не дальше Иркутска. Сам я намечал поездку в Сибирь, а затем в Америку, но поездка в Америку предполагалась в отдаленном будущем. Я должен категорически заявить, что во всех своих действиях с момента переезда в Сибирь я не преследовал абсолютно никаких политических целей: я хотел работать в области чисто коммерческих вопросов, имеющих, конечно, и широкое общественное значение. У меня до ареста моего никаких обысков не было, у Лопухина же в Тюмени было несколько обысков. При задержании меня я никуда не убегал. Я был остановлен, будучи нагнан извозчиком, коим *(так в документе - И.П.)* то военным, сидевшим в извощичьих санях.

Г. Львов (подпись)

Члены комиссии: М. Поляков (подпись),
Чуцкаев (подпись).

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94. Л.83-84. Подлинник.

Документ № 14

Телеграмма председателя Всероссийского Центрального Исполнительного комитета советов страны Я.М. Свердлова руководству Уральского областного совета.

29 марта 1918 г.[33]

Ектб. Срочно Совдепу
из Москвы
Принята 29/III 1918 г.

Сообщите немедленно судьбе арестованных Львова запятая Лопухина Голицына № 852

Председатель ЦИК Свердлов.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.127. Подлинник.

Документ № 15

Из документа, свидетельствующего об официальном обращении сестры Г. Е. Львова - М.Е. Львовой к адвокату Г.И. Хундадзе вести дело защиты князя, которое тем было принято.

8 апреля 1918 г.

Милостивый Государь,
Гавриил Иванович!

Прошу Вас принять на себя труд по ведению от моего имени дела, касающегося брата моего Георгия Евгеньевича Львова...

Доверенность эта дана Гражданину Гавриилу Ивановичу Хундадзе[34]

Мария Евгеньевна Львова.

Москва. Тысяча девятьсот восемнадцатого года Апреля восьмого (Марта 26-го) дня. Документ этот явлен в Нотариальном Отделе 4-го Калужского района правоспособного к совершению актов лично Отделу известною гражданкою Марией Евгеньевной Львовой, живущей в Москве, по Поварской улице, в доме № 10, подписавшею доверенность эту собственноручно. По реестру № 277.

Штамп Народный Нотариус (подпись)
Секретарь (подпись)

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.102, 102 об. Подлинник.

Документ № 16

Заявление адвоката Г.И. Хундадзе в Народный комиссариат юстиции с обоснованием версии несостоятельности обвинения Следственной комиссией в антисоветской деятельности Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского.

Вторая половина апреля 1918 г.[35]

В Народный комиссариат Юстиции.
Защитника Георгия Евгеньевича Львова.
Николая Сергеевича Лопухина, Александра
Васильевича[36] Голицына и Николая
Васильевича Заболотского Габриеля
Ивановича Хунхадзе[37], жив. по
Петровскому бульвару дм.2, кв.6,
телефон 5-52-91

ЗАЯВЛЕНИЕ

В ноябре 1917 года ряд прежних руководителей земской и городской России в том числе бывший председатель временного правительства кн. Львов, доктор кн. Голицын и Мировой Судья Лопухин организовали в Москве "Общество Содействия торгово-промышленному развитию России", поставившее своей целью производительное использование естественных богатств Северной России и Западной Сибири и имеющие свое пребывание по Кузнецкому Мосту в доме № 15.

Задача, поставленная себе обществом потребовала изучения местных богатств по реке Оби и ее притокам и выяснения условий разработки их на месте и часть учредителей общества именно Г.Е. Львов, Н.С. Лопухин и А.В. Голицын переехали в Тюмень, взяв с собой в качестве сотрудника Н.В. Заболотского. Незадолго до ареста моих подзащитных в Тюмени появился некий Запкус, поставленный во главе отряда, который должен был сопровождать продовольственные грузы, идущие из Сибири. Запкус своим образом действий возбудил большое недовольство у местного Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов и он, покидая Тюмень, захватил с собой Львова, Голицына, Лопухина и Заболотского. Куда вез Запкус арестованных неизвестно, но по

прибытию в Екатеринбург областной Совет решил, что жизнь арестованных не гарантирована и перевел их в тюрьму, зачислив за собой. Впоследствии образованная при областном Совете специальная следственная комиссия для расследования дела кн. Львова и др. предъявила к этим последним обвинение в принадлежности преступному сообществу, поставившему целью ниспровержение Советской власти. Из материала предварительного следствия, с которым я ознакомился будучи несколько времени назад в Екатеринбурге, явствует, что следственная комиссия контрреволюционным сообществом считает вышеуказанное "Общество содействия торгово-промышленному развитию России".

Мои политические убеждения хорошо известны многим представителям Совета Народных Комиссаров, не исключая тов. Ленина, и мой нравственный долг не покрывать, а разоблачать контрреволюционеров, но объективное исследование, организованного Львовым и др. общества, детальное ознакомление с товарищеским договором, с уставом общества и протоколами заседаний этого последнего привели меня к убеждению, что означенное общество не преследует никаких политических целей и вся деятельность его не выходит за пределы чисто коммерческих задач. Независимо от сего большинство членов рассматриваемого общества никогда не занимались политикой, и те из них, которые занимались им, как князь Львов, настолько далеко ушли от политической арены, что вызывают сильное недовольство среди своих политических единомышленников. Однако мы не будем распространяться по вопросу о существе настоящего дела, так как в данном конкретном случае нас интересует вопрос о подсудности.

Все обстоятельства настоящего дела, не оставляют никакого сомнения в том, что оно подсудно не Екатеринбургскому, а Московскому революционному Трибуналу. Ни в Екатеринбурге, ни в Екатеринбургской области мои подзащитные никогда не проживали и само собой разумеется никакой деятельности, которая подозревается в контрреволюционности, организовано в Москве и в Москве же имели пребывание (Кузнецкий мост, дом 15). Возражением против моего положения, что дело Львова и др. подсудно Московскому Революционному Трибуналу не может служить то обстоятельство, что обвиняемые продолжали свою

деятельность в Тюмени. В самом деле прежде всего в Тюмени у моих подзащитных была работа чисто техническая - разработка материала для функционирования общества. По поручению этого последнего, не зависимо от сего поскольку они обвиняются, как члены коллектива должны судиться по месту нахождения Коллектива, т.е. в Москве. Далее в Екатеринбургскую область входят Пермская, Уфимская, Вятская и Оренбургская губернии. Тюмень же входит в Тобольскую губернию. Наконец, если возникнет вопрос о подсудности дела кн. Львова и др. Тюменскому Революционному Трибуналу, то известно, что Тюменский Совет Рабочих Депутатов, где т.т. большевики имеют подавляющее количество членов не только не нашел дело моих подзащитных подсудным местному трибуналу, но заявил протест против их ареста.

Чтобы исчерпать все возражения, я обращу внимание Народного Комиссариата Юстиции еще на одно обстоятельство. Газетные сведения, что кн. Львов и др. обвиняются в организации дальневосточного правительства оказались ложными, такого обвинения им до сих пор еще никто не предъявлял, но если бы даже такое обвинение возникло дело должно быть рассматриваемо в Москве по тому основанию, что место пребывание дальневосточного правительства, если даже таковые когда-либо имело реальное бытие, никому неизвестно, по газетным же сведениям оно организовалось в Пекине[38]. Следовательно подсудимость должна определяться местопребыванием Центральной Власти или во всяком случае там где найдет удобным Центральная Власть. Наконец передача дела кн. Львова и др. Московскому Революционному Трибуналу вызывается практической целесообразностью. В самом деле: все лица, которые могли бы оказать содействие как защите, так и обвинению проживали в Москве; далее такая передача значительно сократила бы время производства дела. Следственная Комиссия в Екатеринбурге все справки по делу наводит в Москве, мало этого здесь же производятся важные следственные акты. Так, например, недавно приезжавший в Москву Комиссар по делам Юстиции Екатеринбургской области снял допрос с целого ряда лиц, имевших отношение с существующему в Москве Обществу.

На основании изложенных соображений прошу Народный Комиссариат Юстиции распорядиться о передаче дела Г.Е. Львова, Н.С. Лопухина, А.В. Голицына и Н.В. Заболотского Московскому Революционному Трибуналу. При этом прошу в случае признания дела кн. Львова и др. подсудным Московскому Революционному Трибуналу освободить обвиняемых до суда под мое поручительство или заменить содержание под стражей какой-либо другой мерой пресечения[39].

Если это мое ходатайство не может быть удовлетворено, то прошу в случае признания дела кн. Львова и др. подсудным Московскому Революционному Трибуналу одновременно с извещением об этом следственной комиссии в Екатеринбурге предложить до отправления обвиняемых в Москву поставить на обсуждение вопрос о смягчении принятой против них меры пресечения, чтобы избежать этапного перевода[40].

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.120-121.Незаверенная копия.

Документ № 17

Письмо заведующего Уголовным отделом Народного комиссариата юстиции Урала М.Х. Полякову.

25 апреля 1918 г.

Российская Республика
рабочее и крестьянское правительство

–

Народный Комиссариат
Юстиции
Отдел первый
Начальник Уголовного Отдела
25 апреля 1918 года
№ 2969
г. Москва, Ильинка, 21

Екатеринбургскому
Комиссару Юстиции

Уголовное отделение Комиссариата Юстиции просит Вас срочно сообщить доставлены ли в Екатеринбург арестованные в Перми б. князь Львов и др, которые, как видно из имеющихся в Народном Комиссариате Юстиции переписке, ночью 16 марта с.г. Пермским карательным отрядом[41] должны были быть увезены в Екатеринбург. Независимо от сего, сообщить о причинах их ареста

и, в случае невиновности, принять незамедлительные меры к освобождению их из под стражи.

Заведующий Уголовным Отделом
Народного Комиссариата Юстиции (подпись)
За делопроизводителя (подпись)

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.123. Подлинник.

Документ № 18

Протокол показаний Уполномоченного Главного комитета по снабжению Красной армии коммуниста Н.М. Терешковича, в прошлом земского сотрудника, работавшего под руководством кн. Г.Е. Львова, данных комиссару юстиции Урала М.Х. Полякову во время пребывания его в Москве.

30 апреля 1918 г.

Протокол
показания, данного Н.М. Терешковичем по делу кн. Г.Е. Львова
30 апреля 1918 г.

Уполномоченный Главного по снабжению армии Комитета Всер. Зем. и Гор. Союзов и земств. Заведующего отделом связи и транспорта Глав. Комитета Николай Миронович Терешкович; 38 лет, проживающий в Москве 1 пречистен. Комиссариата по Пречистен. №24, показал: Я знаком с Г.Е. Львовым около трех лет, со дня образования Главного Комитета Земгора во главе которого он стал[42]. Будучи приглашен им в Земгор для заведывания крупным подотделом транспорта я почти ежедневно встречался с ним по делам службы. За время совместной работы с Георгием Евгеньевичем у меня установились с ним довольно близкие деловые и личные отношения, благодаря чему я имел неоднократно возможность убедиться в исключительной политической терпимости. Приглашая сотрудников в Земгор и в Земсоюз, он подходил к ним исключительно с деловой стороны и не с точки зрения "как веруешь". Принимая во внимание гонения со стороны царской власти на общественные учреждения, нужно было известное гражданское мужество приглашать на ответственные должности членов подпольных тогда партий с.д., с.р. и Львов это

сплошь и рядом делал. Так, например, он знал, что я старый партийный работник с.д.[43], у нас работали Винниченко, находившийся в то время на нелегальном положении, Черлюнкевич и т.д.

За время нахождения Львова на посту Министра я с ним не встречался. Но по возвращении его в Москву я виделся несколько раз. Его трудно было узнать, так он изменился. Из крепкого, жизнерадостного человека он превратился в разбитого, истерзанного нравственно старика. Единственным его стремлением было уйти от водоворота политической жизни, отдохнуть в глухой провинции, чтобы переварить пережитое. Над своей политической карьерой он определенно ставил крест. Он говорил, что людям его направления мысли, его склад ума и характера, т.е. внепартийным и исключительно деловым, долго не будет места на общественно политической арене. И потому он уходил в частную жизнь.

За несколько дней до отъезда в Тюмень он был у меня на дому и заявил, что едет на Урал, где думает заняться комерческой деятельностью. Он говорил, что Россия непочатый край для проявления частной творческой инициативы в деле возрождения хозяйственной мощи страны; интересуясь тем, что я буду делать после ликвидации Земгора, предложил он мне принять участие в организуемом им коммерческом предприятии, куда он привлекает своих товарищей по работе в Земгоре и Земсоюзе. Вообще я могу засвидетельствовать, что все я видел и слышал при встречах с Г.Е. Львовым совершенно исключаю для меня возможность представить его стоящим во главе или в центре какого-либо контрреволюционного движения и вообще политического действия. Член Соц.-Дем.раб.парт. Терешкович.

С подлинным верно:

Уральский Областной Комиссар юстиции Поляков.

Там же. Л.131, 131 об.-132, 132 об. Заверенная копия.

Документ № 19

Препровождающая записка комиссара второй Екатеринбургской тюрьмы М.Г. Кабанова комиссару юстиции Уральской области М.Х. Полякову о передаче ему расписки на предмет получения денежной суммы для заключенного кн. А.В. Голицына.

13 мая 1918 г.

Комиссар
тюрьмы №2. ОБЛАСТНОМУ КОМИССАРУ ЮСТИЦИИ

Препровождаю Вам расписку №2 о получении от вас 127 руб. и 45 коп. на расход А.В. Голицыну и копии инструкций караула и надзирателей для просмотра, а также письмо епископа Гермогена и отправить его по адресу Комиссар тюрьмы № 2 Кабанов 13/У-1918 год.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.171. Подлинник.

Документ № 20

Препроводительная к переписке кн. Г.Е. Львова, кн. А.В. Голицына, Н.С. Лопухина и кн. В.А. Долгорукова[44], изъятая Екатеринбургской ЧК и направленной комиссару юстиции Уральской области М.Х. Полякову.

16 мая 1918 г.

Екатеринбургская
Чрезвычайная
Комиссия
по борьбе с
контрреволюцией

16 мая 1918 г.
№ 292

ОБЛАСТНОМУ КОМИТЕТУ ЮСТИЦИИ

Препровождаем при сем переписку князя Голицына, Львова, Лопухина и Долгорукова, взятую при обыске в камерах 14/У с/г обыск сделан по распоряжению тов. Голощекина.

Препровождаем их в Ваше распоряжение

Председатель Зотов (подпись)
Секретарь (подпись)

Печать

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.170. Подлинник.

Документ № 21.

Из воспоминаний бывшего чекиста, одного из участников охраны и расстрела царской семьи 17 июля 1918 г. А.Г. Кабанова о пребывании кн. Г.Е. Львова и других во второй Екатеринбургской тюрьме.

Не позднее начала 1964 г.

Свиту бывшего царя в составе князей Львова, Голицына, Долгорукова и графа Татищева и двух поваров[45] поместили в бывший дом предварительного заключения, начальником которого назначили моего старшего брата Михаила, а комиссаром - моего младшего брата, тоже Михаила.

Львова, Голицына и Татищева поместили в большую комнату, каждому предоставили хорошие кровати с мягкими матрацами, с новым постельным бельем, новые шерстяные одеяла…

Жена брата Михаила – деревенская неграмотная женщина – готовила для свиты царя пищу. Я частенько приходил к брату и обедал с княжеской кухни.

Труд. 1992, 16 декабря. Публикация редакцией газеты произведена с подлинника воспоминаний А.Г. Кабановой, хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края, с сокращениями.

Документ № 22

Ответная телеграмма комиссара юстиции Уральской области М.Х. Полякова адвокату Г.И. Хундадзе, справлявшемуся о ходе следствия по делу кн. Г.Е. Львова и др.

17 мая 1918 г.

Москва
Петровский бульвар 2 квартира 6
Хундадзе
Дело следствием заканчивается
Уралюстиция Поляков.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.169.Отпуск.

Документ № 23

Протокол показаний Г.Е. Львова в плане поставленных перед ним членом следственной комиссии, комиссаром юстиции

Уральской области М.Х. Поляковым.

16 мая 1918 г.

Георгий Евгеньевич Львов дал следующие показания по существу поставленных ему вопросов:

В том случае, если бы состоялась моя поездка в Америку, я полагал обратиться там, к компаниям Мак Кормик, плана вообще к представителям машиноустроительных заводов главным образом корчевальных машин и тракторов. Я имел намерение при посещении Америки побывать у Вильсона. В беседе с Эплером при проезде его через Тюмень в Омск я расспрашивал о Москве, всех наших и о Леонтьеве и его деятельности, но никаких разговоров о какой-либо организации, в которой принимает участие Леонтьев не было. Инженера Ладыженского я вообще мало знаю. Ладыженский проезжал через Тюмень, но я его там не видел, так как меня в это время в Тюмени не было. Мне ничего не известно о том, какие разговоры вел Ладыженский в Тюмени. Полагаю, что Писарева с Ладыженским не виделась. Разговоров о цели поездки Ладыженского в Сибирь у меня с Н.С. Лопухиным не было. Об организации под названием "Русское дело" я ровно ничего не знаю. При командировке Н. Заболотского из Тюмени в Сибирь ему было поручено выяснить вопрос о положении дела с пушниной в Омске и. Если возможно, в Иркутске, а также и вопрос о возможности поездки по сибирским железным дорогам т.к. я предполагал поехать по некоторым городам Сибири. Разговоры о широких планах Американских, о которых идет речь в черновых набросках для дневника, сделанных Е.П. Писаревой 26 февраля имели в виду лишь экономические вопросы Западной Сибири в связи с делами Общества. Что касается заметки о том, что "вчерашние разговоры окончились решением послать человека в Томск, Иркутск и дальше для информации. Решили также выписать 3", то должен сказать, что насколько я припоминаю, речь могла итти о посылке только одного человека, а не двух, а именно о поездке Н. Заболотского.
Екатеринбург. 16(3) мая 1918 года.

Г. Львов (подпись)

Члены комиссии Областного Совета М. Поляков (подпись)

С. Чуцкаев (подпись)

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.163. Подлинник.

Документ № 23-а

Из телеграфного запроса заведующего Уголовным отделением наркомата юстиции комиссару юстиции Уральской области М.Х. Полякову

18 мая 1918 г.

Срочно сообщить в чем обвиняются Г.Е. Львов ... в каком положении находится в настоящее время дело о Г.Е. Львове ...[46]

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.174. Подлинник.

Документ № 24

Письменное сообщение комиссара юстиции Уральской области М.Х. Полякова руководству Уголовного отделения Народного комиссариата юстиции о ходе следствия по делу Г.Е. Львова, Н.С. Лопухина и А.В. Голицына (фактически и Н.В. Заболотского).

18.мая 1918 г.

Рабочее и Крестьянское правительство Российской Федеративной республики советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала.
Отдел юстиции
18/5 мая 1918 г.
№ 2339
Екатеринбург
Телеграфн.Уралюстиция

В Уголовное Отделение Народного Комиссариата Юстиции

Сообщается, что гр. Г. Львов, Н.С. Лопухин и А.В. Голицын числятся за Областным Советом комиссаров Урала, о чем был поставлен в известность председатель Центрального исполнительного комитета товар. Свердлов телеграммой за № 1989 от 8/26 апреля. Об этом же лично докладывал при поездке моей в Москву на Съезд Комиссаров Юстиции 20 апреля тов. Свердлову и народному Комис Юстиции тов. Стучка.

Следствие по делу указанных выше лиц заканчивается и вопрос о дальнейшем направлении дела и о возможности

изменения меры пресечения будет поставлен на разрешение по окончании следствия.

Областной Комиссар Юстиции (подпись)
Секретарь (подпись).

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.172. Подлинник.

Документ № 25

Протокол о возможности на фиксируемом этапе расследования дела Г.Е. Львова, Н.С. Лопухина и других изменения меры пресечения и об освобождении из заключения и выезде в Тюмень кн. А.В. Голицына по его подписке неуклонения до суда, нахождения в указанном городе.

19 мая 1918 г.

Протокол

Екатеринбург, 19 мая 1918 года

Имея ввиду, что расследование дела Н.С. Лопухина, Г.Е. Львова и др. в настоящее время находится в такой стадии, когда задержание всех обвиняемых под стражей не вызывается интересами дела, и имеются основания к изменению меры пресечения уклоняться от суда в отношении некоторых из них, член Следственной Комиссии С.Е. Чуцкаев определяет: гр-на А.В. Голицына, обвиняемого в пособничестве лицам принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против советской власти, из под стражи освободить и взять с него подписку в том, что он – Голицын не уклонится от суда и, что немедленно по освобождении из тюрьмы выедет в Тюмень, откуда без разрешения Следственной Комиссии выезжать не будет[47].

Член Следственной Комиссии Чуцкаев (подпись)
Читал А. Голицын (подпись).

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.180. Подлинник.

Документ № 26

Постановление Следственной комиссии с обвинительным определением Г.Е. Львова в антисоветской деятельности.

4 июня 1918 г.

Постановление

г. Екатеринбург. 4 июня 1918 года

Ознакомившись с материалами, добытыми расследованием по делу Н.С. Лопухина, Г.Е. Львова, А.В. Голицына и Н.В. Заболотского и считая вполне доказанными попытки некоторых лиц начать активную борьбу с большевиками путем создания по городам Сибири добровольческих дружин, Следственная комиссия, образованная при Уральском Областном Совете Раб., Крестьянских, Армейских Депутатов – определяет:

Гражданину Георгию Евгеньевичу Львову предъявить обвинение в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных наступлений против Советской власти, пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия для выполнения их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки.

Члены Следственной Комиссии:

Чуцкаев
Войков (подписи)
Поляков

Настоящее постановление мне объявлено июня … дня 1918 года.[48]

Г. Львов (подпись)

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.194. Подлинник.

Документ № 27

Из "Постановления" Следственной комиссии с обвинением Н.В. Заболотского в антисоветской деятельности и сохранением в отношении его меры пресечения - содержания и далее под стражей.

4 июня 1918 г.

Не создается убеждения в том, что не уклониться от следствия и суда. Комиссия определяет: меры пресечения избрать для гр-на Заболоцкого содержание под стражей в Екатеринбургской тюрьме.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.189. Подлинник.

Документ № 28

Из сообщения для печати бывшего заключенного второй Екатеринбургской тюрьмы о содержании и быте в ней князя Г.Е. Львова и других и некоторых обстоятельств их освобождения, подписавшегося как "Железнодорожный специалист".

18 июня 1918 г.

...Привели из тюрьмы № 1 Г.Е. Львова и его сотрудников - земских деятелей Николая Сергеевича Лопухина и кн. Александра Владимировича Голицына, которых арестовал и ограбил в Тюмени какой-то Занкус... На деньги Львова возделывали огород. Львов готовил горячую пищу для всей группы. Помогал Лопухин, Долгоруков, Смирнов...

На допросах главным образом издевались и насмехались над арестованными областной военный комиссар Голощекин и областной комиссар юстиции М.Х. Поляков.

После предъявления обвинения, кн. Львова, Лопухина и кн. Голицына освободили от суда, кн. Голицына выпустили раньше и он уехал в Тюмень к своей семье, состоявшей из пяти детей. Кн. Львов и Лопухин также хотели уехать в Тюмень к своим семьям, но, как я слышал, их отправили в Алапаевский завод под надзор совета[49].

Сибирская речь. Омск. 1918. № 41. 18 июля.

Документ № 29

Сообщение отдела юстиции областного совета Урала первому (Уголовному) отделению Народного комиссариата юстиции о предъявлении Следственной комиссией обвинения Г.Е. Львову, А.В. Голицыну, Н.С. Лопухину и Н.В. Заболотскому в антисоветской деятельности и изменения меры пресечения к ним – освобождении до суда.

2 июля 1918 г.

Штамп отдела юстиции областного совета Урала 2 июля 1918 г.

В Народный Комиссариат Юстиции
Отдел Первый уголовный

Вследствие запроса Вашего от 18 мая с.г. за № 3659 сообщаю, что согласно постановлению Следственной Комиссии от 4-го июня 18 г. Голицыну, Львову, Лопухину и Заболотскому предъявлено обвинение в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных наступлений против советской власти, пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия для выполнения их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки.

В настоящее время мера пресечения к вышеназванным лицам изменена, они освобождены до Суда[50].

За областного Комиссара Юстиции (подпись)
Секретарь (подпись).

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94. Л.197, Л. 197 об. Отпуск.

Документ № 30

Докладная записка исполняющего обязанности начальника второй Екатеринбургской тюрьмы И. Трубникова комиссару юстиции Уральской области М.Х. Полякову о том, что Г.Е. Львовым "показания закончены".

5 августа 1918 г.

Екатеринбургская тюрьма
по части канцелярии
5 августа 1918 г.
№ 414
г. Екатеринбург

Гражданину Областному
Комиссару Юстиции

Гражданин Львов просил сообщить Вам, что его показания закончены и могут быть представлены на Ваше рассмотрение.

Зам. Начальника тюрьмы Ив. Трубников[51].

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.207. Подлинник.

Документ № 31

Сопроводительная записка отдела юстиции исполкома Уральского совета его председателя А.Г. Белобородову 3 тыс. рублей, внесенных в Следственную комиссию по ее постановлению за Н.В. Заболотского его братом П.В. Заболотским.

30 августа 1918 г.

Штамп Отдела Юстиции Уральского облсовета
30 августа 1918 г.
№ 323

Председателю Областного
Совета Урала

При этом препровождается дело о Лопухине, Львове и др. на распоряжение Областного Совета, три тысячи рублей (деньгами), внесенных по постановлению Следственной Комиссии по делу Лопухина и др. по обвинению Николая Васильевича Заболотского[52].

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1, Д.94.Л.209. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Документ свидетельствует о изначальных причинах и обстоятельствах ареста князя Г.Е. Львова и других, связанных прежде всего с неосмотрительным поведением молодого офицера Н.В. Заболотского.

2. О Георгии Евгеньевиче Львове, князе, виднейшем российском земском деятеле, либерале подробно рассказано во вступительной статье к документам.

3. Князь Александр Владимирович Голицын, родившейся в 1876 г., по образованию был врачом, практиковал в медицинском деле, как земский врач, успешно практиковал в сельской местности, в Москве, участвовал в общественной работе. Осенью 1918 г. эмигрировал в Китай. Дальнейшая судьба неизвестна.

4. Николай Сергеевич Лопухин, родившейся в 1879 г., которого авторы публикаций и даже сотрудники архивов также ошибочно именуют «князем», имел высшее юридическое образование, состоял в судебных должностях и участвовал в земском движении, занимался и хозяйственными делами, был близким сподвижником Г.Е. Львова. Он так же эмигрировал в Китай. Судьбу его проследить не удается.

5. Николай Васильевич Заболотский, во многих документах неточно именуемый «Заболоцким», был молодым офицером, участником первой мировой войны. Судьбу его по освобождению проследить не удается. Если он уехал в Тюмень, то по вступлении туда «белых», вероятно, влился в состав их армии.

6. Указание Г.И. Попова на встречу с Заболотским на 12 марта и последовавший в тот же день арест его, князя Львова и других следует считать наиболее достоверной датой его производства.

7. Заболотский должен был выехать в Омск, другие сибирские города по поручению Львова по торговым делам.

Первоначально он скрывал это. Семьи у него в Омске не было.

8. Целый ряд источников, рассказы Львова и других во время заключения свидетельствуют, что карателями было произведено их «ограбление». Было ли им что возвращено по подписке – неизвестно.

9. Имеется ввиду город Липецк.

10. Брат Заболотского – Пантелеймон Васильевич Заболотский вел коммерческие дела в системе земских организаций. Далее о нем пойдет речь.

11. Отчество Лопухина- «Сергеевич». Допущена неточность при составлении этой части протокола или на этот момент запамятовал сам Заболотский.

12. События в данном документе частью датируются по старому стилю.

13. В административном центре Урала – Екатеринбурге был создан Революционный трибунал, а при нем – Следственная комиссия, именовавшиеся «Екатеринбургскими», по месту нахождения, на деле являвшимися областными. Нередко и в приводимых в публикации документах указывается на это, нато, что Следственная комиссия - при исполкоме областного совета и т.п. Председателем Следственной комиссии (как и заместителем областного комиссара юстиции, затем областного военного комиссара) являлся Яков Михайлович (настоящие имя – отчество Янкель Хаимович) Юровский, в июле ставший непосредственным руководителем и участником расстрела царской семьи. Из документов выясняется, что он имел личное касательство к следствию по делу князя Г.Е. Львова и других. Но непосредственно этим занялись более высокопоставленные большевистско-советские функционеры Уральской области: областной комиссар юстиции Михаил Харитонович Поляков, к рассматриваемому времени перешедший из Партии левых эсеров в РСДРП(б); областной комиссар народного

образования, председатель Екатеринбургского совета, член президиума облЧК Сергей Егорович Чуцкаев; областной комиссар продовольствия, один из членов «тройки», занимавшейся делом царской семьи, Петр Лазаревич Войков (настоящее имя Пинхус Лазаревич Вайнер). В работу Следственной комиссии стал все активнее включаться лидер уральских большевиков, курировавший работу всего советского аппарата, прежде всего правовые и силовые структуры, в том числе облЧК, к рассматриваемому времени занимавший пост областного военного комиссара, Филипп Исаевич (настоящее имя – Исай Исаакович) Голощекин, руководитель «тройки» по делу царской семьи.

14. В документах фамилия данного лица значится в самых различных вариантах («Зайпус», «Зайкус», «Закус» и т.п.). Настоящая фамилия «Зайпкус», звали – Михаил Антонович. Ему в то время было 20 лет. С отрядом в Тюмень он был послан в карательных целях и для проведения экспроприаций, конфискаций. Проследить дальнейшую судьбу Зайпкуса не удается.

15. Князя Г.Е. Львова навестил его родной брат Сергей. До Октябрьского переворота С.Е. Львов (1859-1937) был крупным предпринимателем, владельцем и главой фирмы «Пожевские заводы» в районе Перми. В дальнейшем он оставался вместе с семьей в Советской России и был репрессирован.

16. Бывший обер-прокурор Священного Синода – член Временного правительства В.Н. Львов в 1918-1919 гг. находился на Урале и в Сибири, в Тюмени с князем Львовым не встречался. Эмигрировал из Японии во Францию.

17. Речь идет об одной из разветвленных организаций бывшего Всероссийского Земского союза.

18. Данный документ, свидетельствующий о получении руководством Тюменского уездного совета 17 марта запроса из Наркомата юстиции, свидетельствует о получении тем по

каким-то каналам информации об аресте Г.Е. Львова и других еще из Тюмени.

19. Дата (18 марта 1918 г.) отправки представителем Тюменского совета запроса из Москвы о Г.Е. Львове и других в Екатеринбург свидетельствует о том, что к этому времени арестованные отрядом М.А. Зайпкуса лица уже были увезены в центр Уральской области, руководством которой в то время через голову Омска, западносибирской власти, стремились, и не без успешно, контролировать события и в Тобольской губернии.

20. Данный и следующий документы свидетельствуют о том, что общественности Тюмени к 18 марта, времени отправки из города Г.Е. Львова и других стало уже известно о случившемся.

21. На документе (облисполкома совета) вписана дата: "191" и оставлена типографская цифра "9". На штампе же Следственной комиссии, проставленной на нем, четко обозначено "20 марта 1918 г.", что свидетельствует о 18-м годе, а, во-вторых, передаче в этот день дела Следственной комиссии трибунала.

22. Документ, подписи под ним председателя исполкома облсовета А.Г. Белобородова и секретаря В.С. Мутных, свидетельствуют о передаче М.А. Зайпкусом доставленных им из Тюмени именитых арестантов высшей официальной власти, а та, в свою очередь, сразу же передала их Следственной комиссии Ревтрибунала - карательной службе. Документ позволяет заключить, что Г.Е. Львов и другие были доставлены в Екатеринбург 19 марта.

23. На документе даты не обнаруживаются. Учитывая то, что Следственная комиссия приняла от М.А. Зайпкуса (на основе постановления облисполкома совета) арестованных 20 марта, очевидно, заключила их в первую (что в первую выясняется из целой группы источников) Екатеринбургскую тюрьму, в которой режим был жесточайший, политические сидели с

уголовниками со всеми вытекающими отсюда последствиями. Заключенные с 19-го по 20-е марта могли находиться в арестном вагоне поезда карательного отряда Зайпкуса.

24. Петр Ананьевич Красиков - один из старейших социал-демократов (с 1892 г.) - большевиков. В 1908 г. окончил (экстерном) юридический факультет Петербургского университета. С марта 1918 г. стал заместителем наркома юстиций, одновременно был представителем комиссии по вопросам культа при ВЦИК, как и В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, проявлял к священнослужителям беспощадность. В деле же о Г.Е. Львове и его товарищах практически с самого начала под влиянием подспудных, не вполне выясненных сил, как и нарком П.И. Стучка и Я.М. Свердлов, проявил гуманность.

25. В верху документ завизирован И.И. Голощекиным как "членом Следственной комиссии".

26. Доктор.

27. Реки: первая (приток Тобола) протекает в Северном Зауралье, вторая - приток Оби, протекает в Западной Сибири, северо-западнее Томска.

28. Село Исетское на притоке Тобола находится между городами Шадринск и Ялуторовск, близ Тюмени.

29. Увы, "русский народ", история могут во многом быть благодарными бескорыстной самопожертвованной деятельности Г.Е. Львова. Но вместе с тем оценка его деятельности в плане "раскачивания" в ходе мировой войны, взрывоопасной обстановки российских устоев, состояния общества без умения спрогнозировать ближайшее будущее, нерешительность, неспособность обуздать стихию, разрушительные действия люмпенских элементов уже в роли главы Временного правительства вряд ли может быть и однозначной, и положительной. Но этот вопрос не есть цель данной публикации. В ней прослеживаются на документальной, первоисточниковой основе лишь обстоятельства ареста, нахождения в заключении на Урале,

реальнейшей угрозе гибели и поистине чудодейственных обстоятельств его спасения

30. Два слова написаны с сокращениями и, как будто бы, с правкой, похоже: “народн. просв.”. Если так, то фраза в целом выглядит так: “...Члены Следственной Комиссии Областного Совета Комиссаров Юстиции и народн. просв. управления”. Как уже отмечалось, областными комиссарами - военными и юстиции были соответственно - И.И. Голощекин и М.Х. Поляков. Ведающее лицо народным просвещением официально именовалось также “комиссаром”. Им, как также было отмечено, был С.Е. Чуцкаев, являвшийся одновременно председателем исполкома Екатеринбургского совета, а также членом коллегии облЧК (вот такое сочетание должностей: ведать просвещением, органом власти и карательным делом!). Под документом проставлено: “Члены комиссии” и значатся подписи: “М. Поляков, Чуцкаев”. Третий, по протоколу допроса и значимости в иерархии уральской власти фактически - первый Голощекин ее не поставил. В других случаях он также старался “не засвечиваться”, в действительности в следствии по делу Львова и других играл “первую скрипку”. В документе говорится о “Совете комиссаров Урала”. Такой орган в первый месяцы 1918 г. действительно существовал и свидетельствовал о претензиях складывавшейся советской номенклатуры края на особое положение, определенной склонности к сепаратизму. В дальнейшем комиссары значились в составе исполнительного комитета областного совета.

31. Петр Владимирович Глебов - видный земский деятель, во Всероссийском земсоюзе заведовал “земконем” (системой коневодства). Зимой 1917-1918 гг. стал председателем созданного с участием Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.С. Лопухина “Общества содействия торгово-промышленного развития России”.

32. Сергей Михайлович Леонтьев и Николай Николаевич

Щепкин (внук актера М.С. Щепкина) были видными членами "Партии народной свободы" (кадеты), второй из них - член ее ЦК всех составов. В прошлом были сподвижниками Г.Е. Львова по земскому движению. Власть большевиков не приняли, позднее первый из них проявлял к ней лояльность. Весной 1918 г. участвовали в формировании нелегальных антибольшевистских организаций, в частности "Правого центра". Об этом руководителям Урала было известно и Следственная комиссия особенно усердно добивалась доказательств связи Г.Е. Львова, А.В. Голицына, И.Н. Лопухина, как и Н.В. Заболотского с ними на политической почве. Щепкин 29 августа 1919 г. был арестован органам ВЧК и в сентябре расстрелян. Не исключено, что речь шла о Щепкине Дмитрии Митрофановиче - другом общественном деятеле, входившем во Временный совет Российской республики (Предпарламент).

Леонтьев, имевший генеральское звание, с февраля 1920 г. профессор. Неоднократно арестовывался, заключался в тюрьмы, отбывал ссылку в 30-е годы.

33. Текст телеграммы Я.М. Свердлова датирован временем ее приема в Екатеринбурге 29-м марта 1918 г. Очевидно, отправлена она была в этот же день. Следует отметить, что если число ("29") проставлено четко, то месяц не вполне ("III"), но, очевидно, это - март, ибо к 29 апреля в Москве уже побывал М.Х. Поляков и информировал председателя ВЦИК по данному вопросу. Обращает на себя внимание то, что Свердлов включился в решение судьбы Львова раньше, нежели Наркомюст, его руководство, и раньше, чем официальный адвокат-защитник Г.И. Хундадзе, до обращения родственников заключенных с соответствующими официальными просьбами. К тому времени в Москве были уже запущены в действие иные рычаги, возможно, масонские, прежде всего через Глазберга - масона.

34. Гавриил (так звали его при общении; настоящее имя -

Габриель) Иванович Хундадзе был влиятельным и талантливым адвокатом, как он сам подчеркивал и в действительности - связанным со многими политическими деятелями, вхожими в кабинеты власти и большевиков. По прошлой деятельности он был связан и с Земсоюзом. Он в защите Г.Е. Львова и его товарищей сыграл исключительно большую роль, но лишь именно благодаря воле Я.М. Свердлова, П.И. Стучки и других власть предержащих. С просьбами (и аналогичным оформлением документов) к Г.И. Хундадзе обратились жена А.В. Голицына - Любовь Владимировна (в дальнейшем приезжала в Екатеринбург), сестра Н.С. Лопухина - Анна Сергеевна Голицына (видимо, была замужем за родственником А.В. Голицына) и мать Н.В. Заболотского - Вера Григорьевна.

35. Копия документа, отправленного из Москвы в Екатеринбург, в Следственную комиссию, не датировано. В Екатеринбурге (и в Тюмени) Г.И. Хундадзе находился в середине апреля, 15-го подал "В Следственную комиссию при Народном Комиссариате Юстиции Екатеринбургской области" (так он неточно именовал Уральскую область с центром в Екатеринбурге) заявление. Затем уехал в Москву. Содержание заявлений во многом сходное. Приводится одно из них, как более обстоятельное с указанием на реальное положение с ходом следствия. Нельзя не привести лишь одно положение из первого из них: "Но, если паки чаяния, дело дошло до революционного трибунала, то смею уверить следственную комиссию: одного честного слова моих подзащитных совершенно достаточно, чтобы явку в суд считать гарантированной". Хундадзе настоятельно просил об изменении меры пресечения. Между прочим, намекал вновь на свои большие связи во властных структурах.

36. Отчество Лопухина указано неверно, очевидно, машинисткой при снятии копии.

37. По той же причине искажена фамилия адвоката.

38. Были газетные сообщения о сформировании в Пекине какого-то "Дальневосточного правительства во главе с Г.Е. Львовым". Источником для домыслов явились следующие факты. 27 января (9 февраля) 1918 г. в Томске было сформировано подпольное "Временное Сибирское правительство" под председательством эсера П.Е. Дербера. Часть его членов, включая Дербера, уехала в Харбин (русский город в Китае), по включении в свои ряды новых лиц из местных деятелей они стали именоваться "Дальневосточным правительством", которое в дальнейшем, с образованием уже после свержения в Сибири советской власти "Временного Сибирского правительства" (в Томске: переехало в Омск) во главе с П.В. Вологодским, исчезло, было поглощено последним. Причисление князя Львова к правительству на Дальнем Востоке было связано, видимо, с реальными известиями отъезда его из Москвы на Восток.

39. Усилия Г.И. Хундадзе о перемещении Г.Е. Львова и других в Москву и передаче их дела в ведение Московского революционного трибунала, где, очевидно, не без оснований он надеялся на более благоприятное его течение, успехом не увенчались.

40. С изменением меры пресечения екатеринбургских узников дело, с активным вмешательством в него высших должностных советских чинов "выгорело", а в итоге вылилось в фактическое его прекращение. Первым шагом к благоприятному исходу дела, усилий защиты явился перевод Следственной комиссией Г.Е. Львова и его товарищей из первой Екатеринбургской во вторую тюрьму и создания сносных условий содержания. Случилось это в середине апреля.

41. Вопрос о том, из какого города прибыл в Тюмень карательный отряд М.А. Зайпкуса и куда выбыл из Екатеринбурга - выяснить не удается. Вполне возможно, что он был именно "Пермским", из Перми. В городе с большим

портом на р. Каме чаще появлялись отряды матросов (или их группы, включавшиеся в общие по составу карательные отряды). Пермь (Пермская губерния) входила в состав Уральской области, посему Зайпкус, находясь и в Тюмени, выполнил распоряжение областных властей из Екатеринбурга.

42. Имеется в виду земская организация, созданная с началом первой мировой войны для помощи армии, больным и раненным воинам, главноуполномоченным которой был князь Г.Е. Львов.

43. Н.М. Терешкович называет себя социал-демократом, однако, скорее всего, занимая значительную должность во власти большевиков, он был членом их партии, к этому времени уже переименованной в РКП(б). Не исключена, однако, его меньшевистская принадлежность.

44. Василий Александрович Долгоруков, князь, находился в заключении в Тобольске и был доставлен в Екатеринбург в конце апреля 1918 г. вместе с бывшим императором и заключен во вторую Екатеринбургскую тюрьму, некоторое время находился в одной камере с Г.Е. Львовым и другими, но большую часть его сидел в одиночке. В июле 1918 г. был расстрелян.

45. Мемуарист не во всем точен. Он забыл назвать Н.С. Лопухина, повторил расхожее мнение о том, что генерал-лейтенант И.Л. Татищев имел титул графа. Такой титул имела другая ветвь древнего рода Татищевых (бывших князей Соломерских - Смоленских). Во вторую Екатеринбургскую тюрьму перевели из "Дома особого назначения" (дома инженера Н.Н. Ипатьева) не поваров, а слуг царской семьи, бывших матросов - детского лакея И.Д. Седнева и дядьку цесаревича Алексея К.Г. Нагорного, расстрелянных через несколько дней. Что касается И.Л. Татищева, то, по данным автора, он остался в живых, содержался в тайном месте заключения и специальными органами под пытками давал

некоторые сведения о запрятанных царских сокровищах (см.: Плотников И.Ф. Сокровища царской семьи // Уральская старина. Литературно-краеведческие записки .Вып.4. Екатеринбург).

46. На документе есть виза Я.М. Юровского, как “заместителя комиссара юстиции”, датированная более поздним временем - 28 мая 1918 г.

47. Тогда же, 19 мая идентичные обвинения были предъявлены всем остальным товарищем А.В. Голицына, но текста об их освобождении по подписке в “их протоколах” не было и их в то время продолжали содержать в тюрьме.

48. Как видно из постановления от 4-го июня, Г.Е. Львов (как остальные двое) действительно еще находились в тюрьме. Однако не исключено, что именно в этот день могли быть выпущены Львов и Лопухин, хотя есть данные о возможном задержании их в ней еще на некоторое время. Заболотский, как видно из следующего документа, определенно оставался в заключении.

49. Сведения бывшего заключенного второй Екатеринбургской тюрьмы представляют ценность, свидетельствуют о некоторых моментах тюремного быта, хода следствия и действительном освобождении князя А.В. Голицына. К сожалению, они не дают ответа на вопрос о времени и обстоятельствах освобождения по подписке остальных.

50. К июлю должно было радикально измениться положение троих оставшихся в заключении лиц - Г.Е. Львова, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского. Сообщение в Москву от 2-го июля, что они освобождены, скорее всего, могло быть правдой, однако и ложью. Все трое еще могли оставаться в заключении, во всяком случае Заболотский.

51. Данный документ в какой-то мере позволяет допускать предположение - версию о возможной эвакуации Г.Е. Львова, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского вместе с партией других

заключенных из оставленного 25-го июля "красными" Екатеринбурга. Однако, эта версия в высшей степени маловероятна, ибо в этом не было смысла (вступать в прямую конфронтацию с Центром, уже сообщив об освобождении, хотя и с опережением, лидеры Урала вряд ли могли; есть сведения о приезде Львова и Лопухина к семьям в Тюмень еще до вступления туда "белых" - до 20-го июля). Скорее всего освобождение состоялось все же еще в июне и "железнодорожный служащий", освобожденный 23-го июня, негласную акцию по выпуску аристократов, отъезд их на Восток, фактически в Тюмень, мог, пользуясь слухами говорить об Алапаевске. Скорее всего, документ свидетельствует о сдаче тюремщиком какого-то документа, оказавшегося в его конторе уже в отсутствие Г.Е. Львова, в его ведении.

52. Данный документ прежде всего примечателен тем, что свидетельствует о практикующихся чекистами, тюремщиками Екатеринбурга, Урала о крупных поборах с родственников и близких заключенных под обещание их освобождения. Но такие акции вымогательства денег под обещание освобождений вовсе не означали их выполнение. Так, за обещанное освобождение Тобольского епископа Гермогена (в миру Г.Е. Долганов), привезенного в Екатеринбург так же весной 1918 г., среди верующих, в Екатеринбургской епархии были собраны многие тысячи рублей, однако известнейший священнослужитель не только не был освобожден, но и зверски умерщвлен отрядом матроса-чекиста П.Д. Хохрякова. И в данном случае, не исключая нахождения в заключении после июня и даже сдачи «красными» Екатеринбурга именно и только Н.В. Заболотского, автор склонен считать, что комиссариат юстиции сдал деньги 30 августа, полученные ранее, еще в Екатеринбурге. Председателем Исполкома облсовета в рассматриваемое время был коммунист Александр Георгиевич Белобородов (в будущем – нарком

внутренних дел РСФСР), принимавший активное участие в карательных и тюремных делах, в том числе в деле князя Львова и других. Секретарем исполкома облсовета была коммуниста Валентина Степановна Мутных.

Об авторе

Плотников Иван Федорович (04.09.1925, дер. Королево Аскинского р-на Башкирская АССР), историк, доктор исторических наук (1967), профессор (1968), Заслуженный деятель науки РСФСР (1985), академик Академии гуманитарных наук. Родился в крестьянской семье. Участник Великой Отечественной войны, полковник (в отставке). Окончил Башкирский педагогический университет (1949), аспирантуру при Уральском университете (1954). С 1954 работает в вузах Свердловска. 1962-1992 – Заведовал кафедрами в горном институте (1962-1975) и в Уральском университете (1975-1992). Входил в ряд Советов Мин вузов СССР и Российской Федерации, был соавтором разрабатывавшихся учебных программ по истории для вузов. В 70-е-80-е г. был председателем областного штаба боевой славы, одним из зачинателей этого движения в стране. Многие годы входил в состав научного совета «История революции в России» АН СССР (в дальнейшем – РАН), был председателем Уральской секции. Руководит научным направлением исследователей Урала и Сибири. Изучил документы более, чем в 60 архивохранилищах центра и восточных регионов России и Казахстана. В Государственном архиве Свердловской области сформирован его личный фонд. Подготовил более 50 кандидатских и докторских наук.

Плотников – специалист по проблемам истории и историографии гражданской войны на Востоке России. Разрабатывает вопросы противоборства большевистских и антибольшевистских сил на Урале, Сибири и Дальнем Востоке 1917-1922 годов. Исследует и историю Великой Отечественной войны. Автор более 800 научных трудов, в том числе 31 монографии. Награжден орденом Отечественной войны I степени, Красной Звездой (2), 16 медалями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксакова Т.А. Дочь генеолога // Минувшее. Исторический Альманах. Кн.2, т.3. М., 1991.
2. Алексеев С., Каёта Г. Тот самый князь Львов // Уральский рабочий. Екатеринбург. 1993, 10 апреля.
3. Белоконский И.П. Земское движение. Изд. 2-е. М., 1914.
4. Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1990.
5. Блок А. Последние дни старого режима. Архив Русской революции. Кн.2, т.3. М., 1991.
6. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенция. Новониколаевск, 1925.
7. Большая советская энциклопедия. Т. 15. М., 1974
8. Большой энциклопедический словарь. В 2-х т.т. Т.1. М., 1991.
9. Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918.
10. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: восстание в Петрограде. М., 1967.
11. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М. - Пг.,1923.
12. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. Изд.3-е. М., 1987.
13. Веселовский Б. История земства за 40 лет. Тт. 1-4. Спб., 1911.
14. Волобуев Политическая власть Февральская революция: ее противоречия, альтернативы и историческое место // Наука и жизнь. 1992, № 10.
15. Всемирный библиографический словарь. М., 2000.
16. Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. – Архив русской революции. Т.XXII. Берлин, 1937.

17. Гиппиус З. Петроградский дневник. 1914-1919. Нью-Йорк, 1990.
18. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2-х кн. М., 1978.
19. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918. Париж, 1937.
20. Голостенов М.Е. Львов Георгий Евгеньевич. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993.
21. Деникин А.И. Очерки рукой смуты. Тт. 1-2. Париж, 1922.
22. Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964.
23. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
24. Думова Н.Г. Кончилось ваше время. М., 1990.
25. Дьячков В.Л. К вопросу о социокультурном облике российской политической элиты в 1917 г. Революция и человек. М., 1996.
26. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967.
27. Ельцова К. Сын Отчизны (на смерть князя Львова) // Современные записки. Париж, 1925, т. 24.
28. Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977.
29. Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. ч.1. (1917-1921). М., 1925.
30. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 1995.
31. История гражданской войны в СССР. Т.1. М., 1938.
32. История политических партий России. М., 1994.
33. Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984.
34. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993.
35. Кто есть кто в России и бывшем СССР. Выдающиеся

личности бывшего Советского Союза, России и эмиграции. М., 1994.
36. Ленин В.И. Благодарность князю Львову. Полн. собр. соч., т.34. М., 1962.
37. Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921.
38. Лаккарт Р.Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.
39. Львов Г.Е. Воспоминания. Алексин, 2000.
40. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931.
41. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961.
42. Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1. София, 1921.
43. Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, т.2., 1927.
44. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Тт.1-2. Нью-Йорк, 1955.
45. Минц И.И. История Великого Октября. Т.1. М., 1967.
46. Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Изд. 2-е. Берлин-Пг.-М., 1922.
47. Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990.
48. Октябрьская революция. Мемуары. М., 1991.
49. Основы Конституции Российского Государства. – Архив русской революции. К.1, т.1. М., 1991.
50. Падение царского режима. Т.2. Л., 1925.
51. Памяти Львова // Современные записки. Париж, 1925, т.24.
52. Плотников И.Ф. Масонский правитель России в руках Уральской облчека // Последние новости – «Понедельник» (Екатеринбург), 1988, № 4 (108), 29 января – 8 февраля.

53. Плотников И.Ф. Екатеринбургская «квартира» князя Львова// Уральский следопыт, 1999, № 7.
54. Плотников И.Ф. Львов Георгий Евгеньевич. – Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.
55. Князь Г.Е. Львов в Екатеринбургской тюрьме. Обстоятельства его спасения от расстрела // Исторический архив, 2001, № 6.
56. Полнер Т.И. Князь Г.Е. Львов в тюрьме // Современные записки. Париж, 1925, т. 24.
57. Полнер Т.И. Жизнь и деятельность князя Г.Е. Львова. Париж, 1926.
58. Полнер Т.И. Жизненный путь князя Г.Е. Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932.
59. Пушкарева И.М. Князь Георгий Евгеньевич Львов. Исторические силуэты. М., 1991.
60. Пушкарева И.М. Г.Е.Львов. – Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.
61. Пушкарева И.М. Львов Георгий Евгеньевич. – Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.
62. Пушкарева И.М. Львов Георгий Евгеньевич // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия в 5 тт., т.3. М., 2000.
63. Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989.
64. Революция и гражданская война в России (собрание исторических материалов). София. 1921.
65. Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957.
66. Резник Я. Чекист. Свердловск, 1968.
67. Родзянко М.В. Государственная Дума в Февральской революции // Архив русской революции. Кн.3, т.6. М.,

1991.
68. Россия. Энциклопедический словарь. М., 1998.
69. Рутыч Н.Н. Думская монархия. Спб., 1993.
70. Семнадцатый год в Петрограде. Октябрьское вооруженное восстание. Кн. 1-2. М., 1965.
71. Советская историческая энциклопедия. М., 1965.
72. Солженицын А.И. Красное колесо. Т.6.: Март семнадцатого. М., 1994.
73. Соснер И.Ю. Львовы. – Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.3. М., 2000.
74. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.
75. Секирский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середины XIX – начала XX в.). М., 1995.
76. Троцкий Л.Д. История русской революции. Тт. 1-2. Берлин, 1931.
77. Шацилло К.Ф. Русский либерализм в конце XIX – начале XX вв. – Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX вв. Спб., 1990.
78. Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Библиографический словарь-справочник. л-я. М., 1997.
79. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х тт. М., 1992.
80. Шульгин В.В. Письмо к русским эмигрантам. М., 1961.
81. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1920.

Налоговая льгота общероссийского
классификатора продукции ОК-005-93
953150 – литература по истории и историческим наукам

ЛР № 040905 от 22 июля 1998 г.
ПД № 00188 от 3 декабря 1999 г.

Формат бумаги 60x84/16. Бумага офс.
Печать офс. Тираж 300 экз. Заказ № 1388.

Отпечатано с оригинал-макета в Государственном унитарном
издательско-полиграфическом предприятии
«Тульский полиграфист».
300600, г. Тула, ул. Каминского, 33. Тел.: 31-16-69